

Этикет следствия

Автор:

Алексей Келин

Этикет следствия

Алексей Келин

Mystic & Fiction

Еще недавно Виктор был рыцарем и наследником баронства, героем проигранной войны. Сейчас он – простой следователь стражи в чужой стране. Пока благородные гости князя решают судьбу этой части материка, Виктору достается расследование серии кровавых убийств, колдунья-эксперт в напарники и гора бумажной работы. Как далеко заведут его поиски маньяка и кто окажется истинным виновником преступлений?

Алексей Келин

Этикет следствия

© Алексей Келин, 2019

© ООО ИД «Флюид ФриФлай», 2019

* * *

Глава 1

Понурый парень лет двадцати в испачканной краской и провонявшей гарью робе неловко вытер нос, чуть оцарапав себе щеку наручниками.

На физиономии задержанного остался мазок сажи.

– Я... Я демонов сжег! Вы не понимаете... она их разводит и нашей братии подсаживает. Вам ее надо арестовать, не меня!

Младший следователь Виктор Берген привычно подавил желание несолидно ухмыльнуться. С первого взгляда он про себя окрестил задержанного «хмырем», и сейчас тот полностью оправдывал прозвище.

Дело о поджоге художественной галереи госпожи Сафоновой могло стать тем еще геморр... хм, той еще бумажной волокитой. Поджигатель есть, вот он, но «квалификация содеянного зависит от стоимости пострадавших ценностей». И пришлось бы разбираться, где унылая мазня, а где – шедевр кисти гения. Со всеми шансами свернуть себе мозги, общаясь с искусствоведами. Но одной-единственной фразой про демонов хмырь избавил Виктора от проблем.

Младший следователь кивнул, снял с задержанного наручники и пододвинул к нему чернильницу:

– Пишите. Зачем поджигали, как поджигали, кто помогал... И про демонов – со всеми подробностями.

Хмырь подобострастно глянул на Виктора снизу вверх и мелко закивал:

– Да! Я... Я сейчас! Все напишу, пусть эта стервозина ответит!

Горе-поджигатель потер запястья, снова шмыгнул носом, сгорбился над столом и застрочил, поминутно оставляя на бумаге жирные кляксы.

Виктор встал (хмырь, увлеченный бумагомаранием, на него даже не покосился), подошел к двери в допросную, пригнулся в проеме, не рассчитанном на его двухметровый рост, выглянул и негромко свистнул. Из-за стойки выглянул дежурный сержант.

– Живо гони курьера к инквизиторам, – стараясь сохранять серьезную мину, велел Виктор, – это не наш клиент. Это их клиент.

Сержант, не стесняясь, расплылся в довольной улыбке.

– Как прикажете! Стража не спит – никто не спит, – бодро отозвался сержант и чуть тише добавил: – А инквизиторам вообще спать незачем.

Виктор усмехнулся, вернулся в допросную, откинулся на спинку стула и стал наслаждаться моментом. Нечасто выпадает возможность спихнуть гору бумажной работы на кого-то другого. Обычно в управе вся нудятина доставалась ему как самому младшему из следственного. Но демоны – особый случай. Если в деле фигурируют «потусторонние сущности», расследование тут же переходит под юрисдикцию епископского Тайного приказа, проще говоря – инквизиторам. Еще пару месяцев назад они занимались и преступлениями с использованием магии, но то ли епископа жадность подвела, то ли были еще какие-то подковерные игры...

На очередную просьбу увеличить финансирование Тайного приказа епископ получил от князя Гнездовского совсем не тот ответ, какого ожидал. «Не справляетесь, говорят? – хмыкнул князь Николай. – Ладно, передавайте дела с магией страже, они и так за вас половину работы делают. А сами гоняйте призраков, демонов и одержимых».

По итогам этого судьбоносного заявления получился мудреный циркуляр, общий смысл которого можно было перевести так: «Если в деле есть потустороннее – это проблема инквизиторов. Если это дела людские, пусть даже маги подрались с огненным штормом, градом лягушек и толпами зомби – расследует стража». Магам за сотрудничество со стражей князь посулил громадные налоговые льготы, а шеф следственного управления так быстро сформировал штат отдела магической экспертизы, что стало ясно: у хитрого полковника все было готово давным-давно.

«Демоны есть демоны, – ухмыльнулся про себя Виктор, наблюдая за стараниями задержанного, – даже если поджигатель просто псих – пусть это выясняют ребята в рясах. Нам и так проблем хватает с высокородной толпой княжеских гостей».

Когда объявили, что на ежегодный летний балльный сезон в Гнездовск съедется не просто окрестная знать, но еще и все владетельные господа Заозерья, шеф созвал общее собрание следственного.

– Итак, наша задача – обеспечить безопасность высоких гостей князя. Усиленные патрули организует городская управа, но и нам с вами скучать не придется. Нужно, чтобы все наши жулики-злодеи во время балов сидели тихо, как мыши под веником. Не приведи Господь, у какого-нибудь княжича фамильную цацку украдут – позора не оберемся. Так что напрягаем агентуру и приструняем всех, до кого дотянемся. Дела расследовать быстро и жестко, никакого затягивания сроков. Есть сомнения – сажайте в камеру, потом разберемся, кто виноват, а кто мимо проходил.

Подчиненные кивали, подсчитывая в уме оплату сверхурочных. Подсчеты явно всем нравились, а что пахать придется от рассвета до рассвета – так следственному не привыкать.

Балльный сезон запланирован на две недели, два дня из них уже прошли – и все вроде идет достаточно неплохо. Благородные господа развлекаются в княжеском замке, их приближенные разбрелись по Гнездовску, делая годовую выручку кабакам, борделям и игорным домам. В драки они ввязывались умеренно, а местные жулики, понимая, каких проблем могут отхватить, притихли. Сенька Шустрый, правда, попытался какого-то кошицкого паныча в карты надуть – но Сеньке свои же быстро пересчитали ребра, и все закончилось вежливыми, хоть и слегка натужными извинениями.

Задержанный закончил писанину. Виктор пробежал глазами корявые строчки: все в порядке, про демонов старательный художник накатал аж три страницы. Даже жуткую картинку на полях изобразил. Есть все основания для передачи дела инквизиторам. Вот и хорошо, хмырь с воза – следаку легче.

– Так как делами с участием потусторонних сил ведает Тайный приказ канцелярии епископа Гнездовского, ваше дело я передам им, – официальным тоном сообщил Виктор, – их представитель скоро прибудет.

В дверь постучал конвойный. Видимо, инквизитора все-таки добудились глухой ночью.

Виктор в глубине души злорадно хихикнул и отправился передавать дело.

До конца его дежурства оставалась еще уйма времени.

* * *

... Ой! Скользко... Развели грязищу, свиньи... Не измазаться бы... Баба опять пилить будет. Послал же Бог женушку! И чего ей не хватает! Я и так с утра до ночи в мастерской, пилю да строгаю, и платят мне хорошо, я же столяр высшего – ик! – мастерства!

Даже господин помощник бургомистра мне – ик! – стол – ик! – заказывал!

Проклятая икота... перейди на Федота... Хы... Не повезло Федоту. С Федота на Якова... Э, нет, на Якова – на меня! – не надо никакой икоты!

Ик!

Вот дрянь.

На стражу бы не нарваться, они сейчас нервные – жуть. Бдят, чтоб князь... – ик! – княжьих гостей не обидели. А и обидели бы! Тоже мне, всякие понаехавшие дороже своих!

Ик!

Ох, не на улице же отливать, где тут какой закоулок? А то стража... Жена тупой пилой распилит, и вообще – я же приличный человек! Не абы кто!

Уф, вот и тупичок, ворота склада какого-то... Никто не увидит. Ик!

Фу, вонища... И темно тут, как в заднице... Сейчас я быстренько... не навернуться бы в эту пакость, набросали всякой дряни... Ой. Ну вот. Упал.

Свинью тут, что ли, потрошили?

Потрошили. Свинью.

Иисус-Мария-Иосиф! Господи, спаси, сохрани и помилуй!

Столяр Яков, истошно вопя, на четвереньках отползал от искромсанного трупa, на который только что рухнул, поскользнувшись в луже свежей крови. Луна появилась в просвете туч, и развороченное нутро мертвеца маслянисто заблестело. Распахнутые глаза, казалось, следили за незадачливой пьяницей. Какая-то мелкая тварь – похоже, крыса, до появления пьяного столяра лакомившаяся свежим мясом, – забила в щель под воротами.

Переменяя проклятия и молитвы, Яков попытался встать, но ноги подвели его. Отвести взгляд от блестящих глаз покойника было невозможно.

Столяр уже нечленораздельно выл, не слыша сам себя и все глубже погружаясь в совершенно незнакомый, животный ужас.

Желудок взбунтовался, Яков рефлекторно дернул головой, и только благодаря этому смог больше не смотреть на тело. Все выпитое и съеденное несчастным столяром оказалось на утопанной земле. Якова мучительно выворачивало, но сейчас он был рад чувствовать хоть что-то, кроме дикого, парализующего страха.

От тошноты Яков слегка опомнился, и снова начал бормотать слова молитвы.

Топота патруля, прибежавшего на крики, столяр не слышал. Его трясло. Так и не поднявшись на ноги, бормоча «Отче наш» и всхлипывая, столяр отползал подальше от кошмарных мертвых глаз.

* * *

С передачей дела Виктор управился довольно быстро. Поджигатель чуть ли не кинулся на шею инквизитору, горя желанием сотрудничать. Так что у младшего

следователя осталась масса времени для своей работы.

Ирония судьбы – избавиться от кучи бумаг, чтобы было время оформить другую кучу.

Виктор аккуратно подшил последний лист обвинительного заключения. Теперь ни один хитроумный адвокат не сможет развалить дело в суде. Выкусите, советники юстиции. Больше бумаги – чище... хм... совесть.

Следователь встал из-за стола, привычно увернулся от светильника, свисавшего с потолка прямо над головой, расправил затекшие плечи и, стараясь ничего не задеть в небольшом кабинете, с удовольствием потянулся.

С первого этажа упоительно пахло жареной колбасой с чесноком. Видимо, дежурный сержант решил подкрепиться. Виктор непроизвольно сглотнул слюну. Можно было бы спуститься и попроситься на ужин – или завтрак, время-то к рассвету... Но нечего побираться у сержантов. Не позаботился о себе сам – терпи. Нельзя нижним чинам демонстрировать свои слабости.

Его бывший наставник по учебке, старший следователь Жданович, однажды, хохоча, назвал это «шляхетским гонором».

Что ж, он был прав. Как и в том, что ничего хорошего этот гонор, скорее всего, Виктору не принесет. Но бывший рыцарь Гетской империи не понимал, как можно иначе. Он избавился от приставки «фон» к своей фамилии, но как избавиться от самого себя?

Да и зачем?

Виктор с сожалением представил шкворчащую на сковородке колбасу и решительно уселся обратно на предательски скрипнувший стул.

В углу зашуршало. Толстая нахальная мышь попыталась утащить в щель под сейфом засохшую хлебную корку. Корка была великовата, но мышь не сдавалась. Натужно пища, тянула добычу в нору.

Виктор мысленно плюнул. Мало того, что кто-то из коллег оставляет в кабинете объедки, так еще и мыши завелись! Только изгаженных и обгрызенных протоколов не хватает следственному управлению. Стража, конечно, не самая богатая контора в Княжестве, но простейший амулет от грызунов можно завести? Если уж котов в управе Уложение о страже запрещает, чтобы не нервировать служебных собак.

Виктор прекрасно понимал, что никакого амулета, как и других колдовских полезностей, ему на службе не видать. А ведь несколько лет назад он и не задумался бы о магическом решении проблемы. В Гетской империи само по себе обладание магическими способностями совсем недавно перестало быть причиной немедленного обвинения с перспективой костра. Здесь, в Гнездовском княжестве, магия была почти обыденной частью жизни.

Несколько веков назад, когда в битве с Потрясателем магическим ударом чуть не раскололи материк, магическими университетами была принята конвенция о запрете колдовства в военных действиях. Несогласных с ней магов коллеги извели быстро и безжалостно.

Зато мирное использование магии расцвело пышным цветом. Пока армии возились с громоздкими аркебузами, пушками, мечами и латами, заозерские обыватели из тех, кто побогаче, украшали фасады магическими фонарями, изничтожали грызунов и насекомых артефактами и носили при себе амулеты «от заразы».

Первые полгода Виктора это слегка нервировало. Потом привык – все равно магические штучки не по карману младшему следователю.

Разве что газеты и журналы, напечатанные в местных магических издательствах, стали для него регулярной статьей расходов. Нужно же быть в курсе событий!

Виктор топнул на мышь, мгновенно исчезнувшую под сейфом, выкинул в открытое окно корку и решил к следующему дежурству прикупить пару мышеловок. «А вот коллег предупреждать – это лишнее, – ехидно хмыкнул он про себя. – Кто попадется – сам дурак». Виктор был даже чуть-чуть благодарен мыши: на пару минут она отвлекла от мыслей о пропущенном ужине.

Но ничего. Скоро булочник из лавки напротив начнет топить печь, и через часок Виктор разживется парой больших румяных пирогов с мясом и рубленой зеленью. А там и до окончания дежурства недалеко, можно будет пойти домой отсыпаться.

«Следствие – это терпение!» – усмехнулся Виктор, вспомнив одну из любимых присказок наставника.

Тряхнув головой, чтобы избавиться от манящего образа пирожков (а сержантская колбаса пахла уже совсем невыносимо!), Виктор достал из сейфа следующее дело, требующее правильного оформления.

Молодого подчиненного шеф гонял в хвост и в гриву, справедливо полагая, что чем больше дел у него будет – тем быстрее он наберется опыта и станет пригоден для расследования чего-то посерьезнее уличных грабежей и простой поножовщины. Так что жизнь Виктора стала сплошной чередой выездов на места происшествий, допросов и протоколов.

«Потерпевший показал, что о наличии у него крупной суммы денег при себе (128 (сто двадцать восемь) серебряных марок) были осведомлены...»

И так далее, и тому подобное. Хотя чаще все же так:

«Ну, он как ляпнул, что Звездочка лучшая лошадь в забеге, так мне прямо непохорошело. Да что он понимает, хренов сморчок! Ну я и вдарил дураку – так, ума прибавить, а он... Э, уважаемый, ты чего там написал мудреного? Какой конфликт на почве?.. Это ты про Звездочку, что ли? Все ж как божий день – это ж не лошадь, это облезлый скелет с копытами! Не то что выиграть – круг толком пробежать не может! А, это ты протокольными словами, как у вас положено? Ну да... Хотя лучше напиши, что все дело в дури его беспросветной!»

Вопреки расхожему мнению, что основная работа следователя стражи – лично ловить злодеев, в непосредственном отлове Виктор участвовал, в основном, пока был курсантом учебки. Тогда, бывало, приходилось вместе с бравыми парнями из патрулей сначала догонять, а потом вязать – жулики и бандиты очень редко понуро подставляют запястья под наручники, чаще сопротивляются изо всех сил.

Догнать злодея для Виктора никогда не было проблемой. А вот задержать, не убив, остановиться в полувздохе от хруста свернутой шеи или проломленного черепа... Тут бывшему рыцарю пришлось потрудиться. Он до сих пор иногда с усмешкой вспоминал суеверный ужас, переходящий в панику, во взгляде одного из первых задержанных. Отставной пехотинец, решивший подзаработать разбоем, прекрасно понял, что был от смерти даже не на волосок – намного ближе.

Впрочем, закончилось все равно виселицей.

В должности следователя Виктор обязан «обеспечивать законность задержания» – то есть с важным видом стоять в сторонке, а не лично давать в морду. Получалось, конечно, по-разному...

Но, как ни крути, следователь – бумажная работа. Так что наточи перо, подлей чернил и зарабатывай мозоли на пальцах, а не ссадины на кулаках и не опыт обращения с короткой дубинкой – непривычной для бывшего рыцаря, но очень удобной штукой. Особенно, если тебе настоятельно рекомендуется никого не убить.

Поначалу Виктор удивлялся тому, что на вооружении у стражи почти не было аркебуз, или, как здесь говорили, пищалей. Но довольно быстро ему стало понятно, что, в отличие от армии, стражникам они не особенно и нужны. Да и казна не спешит расщедриться.

Когда брали банду Лесника, засевшую на далеком хуторе, шеф для поддержки стражников вызвал пищальный наряд. В остальное время обходились, как здесь говорили, «по-тихому».

Вчера бывшего наставника Виктора, старшего следователя Ждановича, личным повелением Николая, князя Гнездовского, отправили куда-то по делу особой важности.

Особая важность – особой важностью, а работать тоже надо. Так что два дела Ждановича, требовавшие только аккуратного оформления, достались Виктору. Кража выручки из кассы бакалейной лавки и убийство проститутки ее любовником. Причем в краже уже признался племянник бакалейщика. Дядюшка

сразу заявил: «Сам обормоту ухи надеру, не надо нам никакой стражи. Звиняйте, уважаемый, но тут справа семейна», – и заявление о краже забрал. Так что оставалось только закрыть дело за отсутствием состава преступления.

По второму делу убийца не признавался. Но сомнений в его виновности не было ни у следователя Ждановича, ни у принявшего дело Виктора.

История была на редкость противная.

Позавчера на рассвете из реки Нестриж, протекавшей через Гнездовск, неподалеку от пристани Веселого квартала, выловили искромсанный труп проститутки. Восемнадцать резаных и колотых ран. В тот же день по обвинению в убийстве был арестован ее сожитель.

Верка-Хохотушка под звучным псевдонимом Изабелла трудилась в салоне мадам Илоны, «для благородных». Был у нее сожитель – Скользкий Вацек, в прошлом удачливый вор на доверии, а сейчас спивающийся альфонс. Верка его содержала, пыталась уговорить пить поменьше и заняться хоть чем-нибудь, но толку не было – только ежедневные скандалы, которые в итоге закончились убийством несчастной Верки.

Виктор немного знал жертву. Страже не часто приходилось работать в Веселом квартале, его обитатели старались решать свои проблемы без привлечения служителей закона. Но иногда утаить шило в мешке не получалось. Показания Верки как-то раз очень помогли Виктору в поисках банды, повадившейся лишать подвыпивших посетителей борделей остатков не прогулянных денег.

«Эх, сказала бы раньше, дурочка, что есть проблемы... – грустно подумал Виктор. – Угомонили бы Вацека. Так ведь нет, молчала... За что ж он тебя так изрезал, скотина?»

Наставник говорил, что такая жалость – она поначалу. Потом привыкнешь, не будешь душу рвать над каждым бедолагой. Виктор не знал, рад ли он этой перспективе. Вроде как после всего, что было, пора уже очерстветь... Но не получалось.

Следователь начал раскладывать на столе протоколы опроса свидетелей, но за окном раздался бравый топот, какое-то невнятное бульканье и окрик: «Шагай

давай, убивец!» Двое патрульных вели кого-то к управе.

«Вот и скинул проблему на инквизиторов, вот и посидел с бумагами», – мрачно усмехнулся Виктор, запирая дела в сейф.

Через полминуты он уже был в дежурке. Сержант мирно прилаживал на проволочный крючок в камине мятый чайник. Колбасы, к счастью, уже не было – только из-за стойки торчала ручка сковородки. Судя по удивленному взгляду, брошенному на сбежавшего по лестнице младшего следователя, сержант не слышал приближающийся патруль.

Или, что вероятнее, не считал чей-то арест поводом для излишней резвости.

Дверь в участок с грохотом распахнулась. В приемную – небольшую комнатку между входной дверью и стойкой дежурного – ввалились двое патрульных. За собой они практически волоком затащили мужика в наручниках, перемазанного в крови, грязи и еще какой-то дряни.

«Стража патрулирует тройками, – машинально отметил про себя Виктор. – Интересно, третий место преступления стережет или как?»

– Здравия желаю, господин младший следователь! Привет, сержант! – радостно поздоровался старший патруля. – Вот, убийца вам привели, над теплым трупом взяли. Оформляйте.

Виктор мысленно попрощался с надеждой на завтрак, а заодно и с дневным отдыхом. Даже если бы сообщение о преступлении поступило в последнюю минуту его дежурства – совершить все следственные действия он обязан. А тут работы явно не на полчаса...

Думали выспаться, господин младший следователь? На том свете отоспитесь.

Виктор кивнул патрульному, слегка наклонил голову, осмотрел задержанного от грязных стоптанных сапог до растрепанной макушки (шапку тот, видимо, где-то потерял) и поинтересовался:

– Кого убил?

– А черт его знает, – так же бодро ответил патрульный. – Там, у складов на берегу, в тупичке лежит. Я Гришку оставил караулить, чтобы не затоптали. А с опознанием сами возитесь. Мы вам главный приз добыли, остальное уж не наше дело.

За три года в Гнездовске Виктор кое-как привык к тому, что границы субординации здесь размыты почти полностью. Для гетского военного, пусть и бывшего, принять это было довольно сложно, но он справился.

Или думал, что справился.

– Старшина, – одернул он не в меру веселого патрульного, – доложите по форме!

– Извиняюсь, – смущенно кашлянул тот. – Значит, так. Осип Жилко, старшина четырнадцатого патруля. В ходе, эээ... патрулирования был обнаружен этот вот субъект, воющий над искромсанным трупом. Весь в кровище. Ну, мы его скрутили, он почти не дергался. И к вам.

– Оружие?

– Вот, извольте видеть, ножик его, на поясе был.

Старшина выложил на стол перед Виктором симпатичные кожаные ножны. Слегка потертые, но без следа крови. Виктор аккуратно извлек нож – обыкновенный небольшой хлеботор, с такими полгорода ходит. Удобный и простой: можно отбивную в трактире нарезать, можно по хозяйству использовать, можно и в пузо кому воткнуть.

Лезвие было не слишком старательно вытерто, но не от крови, а от какого-то соуса.

Виктор принялся. Похоже, ножом недавно резали жареное мясо. Он уже открыл было рот для вполне логичного вопроса, но тут взвыл задержанный:

– Вы тут вообще?! Он там лежит, а вы спокойненько! Там такое, а вы!

Получив под дых от своего конвоира, мужик задохнулся очередным воплем. Пока он пытался отдышаться, Виктор принял решение. От задержанного сейчас толку никакого: он мало того что верещит, так еще и сивухой за километр разит, пьянь.

И никого этот мастеровой – столяр, судя по нашивке гильдии на куртке, – сегодня не резал. Так что допрос подождет до утра, а труп осматривать нужно прямо сейчас, пока любопытствующие горожане не затоптали все следы.

– Сержант, определите задержанного в камеру предварительного заключения, пусть проспится. Вызовите эксперта – сегодня смена мастера Николаса. А мы с вами, старшина Жилко, отправимся на место убийства.

Глава 2

Виктор писал привычные строчки протокола и втайне гордился, что, глядя на разделанную тушу, в которую превратили убитого, сумел только слегка побледнеть.

«Труп мужчины с множественными колотыми и резаными ранами, лежит на спине. Руки раскинуты в стороны, примерно на 450 от тела. Расстояние от правой стены склада... От левой стены... До ворот...»

Старшину, навидавшегося всяческих мерзостей, выворачивало наизнанку за углом. Надо дать ему еще пару минут, и хватит прохлаждаться: пусть собирает мусор в тупичке и отмечает все на схеме. Мало ли что кто-нибудь обронил, любая мелочь может стать уликой. Вот, например, грязная, скомканная зеленая лента, похоже, из дамской прически. Скорее всего – никакого отношения к делу не имеет, да и лежит в сторонке... Но соберем. В хозяйстве пригодится. Или вот пустая бутылка из-под какого-то невыразимо мерзкого пойла. Тоже завернем.

«От качества первичного осмотра места преступления зависит все расследование!» – учил Виктора наставник.

К тому же сейчас методичность в работе хорошо помогала бороться с тошнотой. В памяти всплывали растоптанные тяжелой конницей кое-как вооруженные ополченцы, потом – трупы в замке Ярмбергов. Опоздали всего на полдня, но Виктору осталось только с молитвой уколоть барона мизерикордом. Он тогда еще тихонько радовался, что в родном Бергене вроде бы войны нет...

Стоп. Оставь память прошлому. Твое дело – протоколы и улики.

Занимался серый рассвет. В июле светает рано, и факелы, предусмотрительно захваченные из участка для осмотра места происшествия, были уже не нужны – так что городовые, державшие их, убрались подальше от жуткого зрелища.

Здоровенного мужика убивали долго и старательно. Руки и ноги остались относительно целыми, а вот туловище кто-то ожесточенно кромсал. Там не было практически ни одного живого места.

«Брызги крови на правой стене на высоте... от места убийства ведут две цепочки кровавых следов – предположительно свидетеля, обнаружившего труп, и убийцы... расстояние между следами...»

– Тэкс, что тут у нас? – жизнерадостно поинтересовались из-за спины Виктора. – Ух ты! Экий красавец – прямо чувствую, что работа моя на сегодня не заканчивается, а только начинается! А ты молодец, какой роскошный труп надежурил!

– Мастер Николас, пожалуйста, не надо так кричать... – вздохнул Виктор. Но уговорить судмедэксперта было не так просто.

– Нет, Малыш, ты просто не понимаешь, какое счастье тебе привалило! Ну да ладно, еще поймешь. Ты все поймешь, моя любовь, но будет поздно... – пропел мастер Николас строчку из популярной пьесы. – Так, отойди. Молодец, не затоптал и даже не вляпался, но теперь дай-ка мне составить общее представление.

– Прошу вас, – подчеркнуто церемонно посторонился Виктор, привычно проигнорировав «Малыша».

Неизвестно, с чьей легкой руки (неужто шеф удружил?) после завершения одного весьма запутанного дела фраза «а Малыш-то наш – молодец!» стала крылатой в управе.

Виктор тихо зверел, но понимал, что возмущаться бесполезно.

– Ты ведь на самом деле у нас в следственном самый младший, – тоном доброго дедушки пояснил ему бывший наставник пару месяцев назад. – Тебе сейчас сколько? Двадцать два?

Виктор кивнул. Ему было слегка неловко от того, что Жданович мгновенно понял, как его передергивает от нового прозвища.

– Обычно следками становятся, уже основательно поработав «в поле» и патрулях. А ты – молодой да ранний. И способный. Да еще и все поколения благородных предков на твоей породистой гетской физиономии длинным списком отпечатались. Ты хоть в мундир стражи рядись, хоть в рубище – этого не скроешь.

– Да ладно! Какая разница-то? – удивился Виктор. —

Следак и следак. Теперь даже не «фон», просто Берген.

Его не слишком радовало напоминание о происхождении. Важно то, что он делает сам, здесь и сейчас, а бывшие дела благородного семейства к его нынешней жизни не относятся.

– Огромная разница. И дело не в голубой крови, она у всех одинаковая. Ни богатства, ни власти у тебя не осталось. Зато мозги и образование – есть. Причем тут ты фору дашь всем нам, в том числе и потому, что и все предки твои тоже были очень образованными людьми. Это же порода, сам все понимаешь.

– Лучше среднее соображение, чем высшее образование, – пробурчал Виктор.

– Ну-ну, – усмехнулся Жданович, – и от кого же ты услышал эту светлую мысль?

– От деда. Он академик... был. Императорской академии наук. И точно знал, чего стоит это ваше образование.

– Наверняка знал... Ну да я не о том. Ты пашешь за двоих, ты, без дураков, уже неплох – а можешь стать и очень хорошим следователем, если дурить не начнешь. В управе тебя ценят и уважают, а еще чувствуют, что ты слегка другой породы. И дело не в дворянстве, у нас тут дворяне не редкость. Дело в чем-то еще. Вот и хочется людям сделать тебя понятнее, хоть ты вроде бы и простой открытый парень. Так что терпи. Это признание тебя «своим».

Виктор обреченно вздохнул.

Он был очень благодарен Ждановичу за разъяснения, но звереть от «Малыша» не переставал.

Вот и сейчас ему стоило некоторого усилия не скривиться на прозвище.

– На первый взгляд, – уже гораздо серьезнее продолжил мастер Николас, – мы имеем следующее. Некто умудрился как-то обездвигнуть и повалить нашего потерпевшего, причем падал он либо в беспамятстве, либо не мог шевелиться. Видишь, как руки лежат? Был бы в сознании, попытался бы как-то смягчить падение. А тут – рухнул, как мешок с сеном. О! И гематомка на затылке вполне подходящая. Только такой бугай от нее бы не вырубился, нет, маловато ему такого удара.

– Я тоже удивился, – ответил Виктор. – И еще на руки его взгляните – ни порезов, ни ран. Как будто не защищался и не сопротивлялся, пока его резали. Причем резали его уже лежащего, судя по следам крови.

– Надо же, молодежь пытается думать! – ухмыльнулся эксперт. – И думать, что радуется, правильно. Действительно – никаких следов борьбы. Но, скажу я тебе, мой юный умный друг, что это еще не все. Он был в сознании. На лицо его посмотри.

Виктор только через пару секунд внутренней борьбы сумел снова посмотреть в лицо трупа. Потому что видеть такое второй раз не хотелось совершенно.

Жуткое страдание, перекосившее черты лица мертвеца, было настолько явственным, что казалось, он до сих пор кричит от боли.

– А теперь, Малыш, ответь-ка на вопрос: как можно умудриться сделать так, чтобы жертва не шевелилась, но все чувствовала, да еще и сохранила подвижность мимических мышц? И самое главное – зачем?

Виктор промолчал.

– Оп-па, – нарочито удивленно воскликнул мастер Николас, – как я и предполагал, вот и отягчающие обстоятельства.

– Куда уж хуже? – привычно подыграл эксперту Виктор. И так ясно: тут без колдовства не обошлось.

– Всегда есть куда, – наставительно заявил мастер Николас и продемонстрировал Виктору металлический шарик на цепочке.

Шарик медленно вращался.

Когда эксперт поднес шарик ближе к труп, тот начал крутиться существенно быстрее, и в его глубине засветились багровые сполохи.

– Преступление с использованием магии, – старательно вздохнул Виктор.

– Я же тебе говорил, Малыш, – снова ухмыльнулся мастер Николас, – ты еще просто не понял своего счастья! И не просто магии – у нас тут, дорогой мой, некромант нарисовался.

Виктор скривился. Маги – это вообще головная боль, а уж некроманты... Твари это редкие, все больше в академии сидят да по лабораториям своим. И за каждым некромантом пристально наблюдает Совет магов – так, на всякий случай. Но уж если у кого из них срыв случится, а Совет недосмотрит – то все. Получается длинная череда убийств и часто большая бойня при задержании, если гада все-таки удастся вычислить. Последний такой случай был около пятидесяти лет назад в герцогстве Кошиц, так там, как говорится, трупы убирали до вечера.

Вот уж надежурил, так надежурил...

– М-да... – протянул Виктор, – и ни одного демона в округе. Не спихнуть проблему на инквизиторов.

– Ага, ври больше, – безжалостно ответил мастер Николас, – я же вижу, как у тебя глазки загорелись. Трупик интересный, это тебе не бумажки строчить, это дело настоящее. Кабы не княжеский циркуляр, ты б сейчас волком выл, что покопаться не удастся. А благодаря князю – ройся сколько влезет, никакие инквизиторы не помешают. Правда, и не помогут.

Эксперт тем временем спрятал шарик-индикатор и, отогнав не в меру ретивого старшину патруля, которому стало стыдно за проявленную недавно слабость, пристально всматривался в цепочки кровавых следов, ведущие от трупа. Следы обнаружившего тело столяра эксперт осмотрел мельком, а второй след, обрывавшийся на грузовом пирсе, исследовал со всем тщанием.

– Я тебе, Малыш, еще официальную красивую бумажку напишу. – Мастер Николас, деланно кряхтя, распрямился и потер поясницу. – Но уже сейчас с полной уверенностью утверждаю: одет был наш убивец в ботинки или сапоги, каблук сантиметра три. Размер относительно небольшой. Судя по расстоянию между отпечатками, он у нас среднего роста или чуть ниже, тебе, орясине, примерно по плечо. Так что, Малыш, это вполне может быть и женщина. Особой силы, если жертва неподвижна, не надо. Шерше ля фам, дорогой, как сказали бы в изящном Рогене. Тебе давно пора найти девушку...

– Мастер Николас! Совсем уже?

– Ну да, ну да... Извини. Что-то мне самому как-то... неуютно, – совершенно серьезно отозвался эксперт. – Не люблю магов, а уж некроманты – совсем гадость. Трупик везите в морг, там я его пристальнее осмотрю. И протокол дай сюда, а то, глядишь, забыл чего; знаю я вас, торопыг.

Виктор слегка обиделся, но виду не подал.

«Следствие – это терпение...»

Читал пожилой эксперт очень бегло, кажется, просто мельком глянул на несколько листочков и схему. Снова вздохнул и укоризненно посмотрел на Виктора.

Виктор ответил усталым равнодушным взглядом. Подколки мастера Николаса надоели следователю хуже горькой редьки.

– А собака? – проникновенно поинтересовался эксперт.

– Так ведь злодей по речке уплыл, собака тут бесполезна. Не унюхает ничего, – спокойно и грустно объяснил младший следователь.

Как же Николас достал-то! Опять экзамен устраивает!

– Да не ваша собака, господин Берген. Его собака. – Эксперт со вздохом кивнул на труп. – Видишь, Малыш, рыжая шерсть на штанине? Собака, похоже, была с ним в момент нападения. И, скорее всего, видела убийцу. Но убежала или тоже убита... Найти бы песика, а? Тебе все равно мага-эксперта вызывать, может, сумеет какую пользу из собачьей памяти извлечь. Вряд ли, конечно, но мало ли... Но без мага тебе тут по предписаниям никак не обойтись, тьфу, прости Господи.

– Про собаку ясно, – кивнул Виктор. И решил не пропускать возможности подколоть вредного эксперта: – Мастер Николас, вы магов не любите? Почему?

– За что ж мне их любить, а, Малыш? – неожиданно грустно отозвался эксперт. – Заносчивые хамы, всех заслуг – способности от рождения. А гонору-то сколько!

Виктор не сдержал ехидное фырканье. Мастер Николас сделал вид, что не заметил, и продолжил:

– Ух, Малыш, наплачешься еще. Это сейчас я старый и спокойный, а в твоём возрасте злился страшно, когда инквизиторы помогать звали. Магам-то мало удовольствия в кишках копать, им эксперта «попроще» подавай. – Мастер Николас презрительно скривился. – Приходит красавец, смотрит на тебя, как на таракана, и с видом пророка начинает вещать, какие тут энергии как ходили. А раскрывать-то нам, и поверь – от этого хождения энергий ничегошеньки не менялось. Маги, ежели кого убивают, делают это, в общем, так же, как и все

остальные. Орудие и способ убийства вещи важные, но искать-то злодея надо по уликам, а их колдуны оставляют как обычные убивцы. Сегодняшний наш не исключение, вон как наследил. По этим приметам ты его и возьмешь в итоге. А маги... Да что говорить, сам все поймешь.

– Спасибо за науку, – задумчиво проговорил Виктор. – А также за тренировку терпения перед встречей с магами.

– Давай-давай, издевайся над стариком, – сварливо пробурчал мастер Николас.

– Господин следователь! – подошел к Виктору старшина. – Тут это... Охранник склада пришел. Говорит, работает здесь, смена его начинается.

Виктор вышел из тупичка. Неподалеку мялся озабоченный мужичок. Бдительный городской заслонял ему дорогу к складу. Быстро расспросив, кто он такой и что тут делает, Виктор провел мужичка к трупу – опознавать.

Бедолагу, как и остальных, чуть не вывернуло при виде тела, но, отойдя подальше от кровищи, он сумел вполне внятно рассказать, что покойник – Юрка Шапка, ночной сторож склада скобянки. Видимо, делал обход вверенной территории, когда на него напали. Врагов не имел, образ жизни вел, по словам коллеги, «обыкновенный»: «Ну, выпивал, не без того, как все... но на работе чтоб, так это ни-ни, с этим у нас тут строго. Хозяин чуть что – голову снесет, он такой. Подраться – не, не любил, он добродушный был. Да и не задирали Юрку никто. Сами видите, амбал тот еще. Про семью не знаю. Не женат, вроде комнатку снимал у Толстой Дарьи, там много наших живет. Ох, жалко-то как Юрку! За что ж его, а? Гвозди, что ли, провались они, украсть хотели? Собака? Был пес, да, Рыжий. Старенький уже, но злющий, только своих признавал... Не, не знаю, куда удрать мог. Появится – поймем, как скажете... Ох, страшно теперь тут сторожить-то! Точно прибавку просить буду, за такую-то жуть!»

Из склада на первый взгляд ничего не пропало, замки не были вскрыты, а связка ключей так и осталась на поясе жертвы – залитая кровью, но без других следов. Ее явно никто не трогал, версию ограбления можно отбросить. Но Виктор подробно записал все данные владельца склада – для очистки совести.

Ясно, что склад совершенно ни при чем, и бедолага Юрка пострадал по совершенно другой причине. Причину эту Виктор всерьез надеялся услышать от

мага-эксперта, за которым отправил одного из городских.

«За темным дремучим лесом, на неприступной скале в высокой башне жил старый мудрый колдун. Ему подчинялись все птицы, рыбы и звери, а летал он на драконе».

Примерно так Виктор представлял себе магов, слушая в детстве сказки.

«И воздел свой посох великий злокозненный колдун, и ударили молнии в вершину горы».

Так о магах писали в летописях, которые Виктор изучал на курсе истории в Военной академии Геттенхельма.

В попавшемся недавно Виктору романе маги описывались так:

«„Коллега, вы уверены, что профиль Силы в данном случае соответствует необходимому? Может быть, стоит уменьшить количество энергии?“ – „Несомненно, коллега. Не беспокойтесь, я не одну сотню лет занимаюсь экспериментами в данной области“».

Дочитать книжку не удалось, Виктор так и не узнал, чем закончилось дело. Но был уверен, что в вольном переводе диалог почтенных ученых выглядел примерно так: «„Не долбанет?“ – „Да не должно“».

Преступления с «магическим окрасом» ему расследовать пока не приходилось, разве что в списке похищенного однажды значился «амулет от заразы». Дело было в слякотном ноябре, Виктор чихал, отпаивался молоком с медом (жуткая дрянь!) и очень жалел, что у него нет знакомого мага, у которого можно такой амулет одолжить. Потому что стоила такая полезная штука сопоставимо с его годовым жалованием.

Несмотря на то, что в Гнездовске маг вполне мог жить с ним на соседней улице, колдуны все равно казались Виктору почти высшими существами – в память о сказках, которые он любил в детстве. Там, правда, злых магов всегда побеждали благородные рыцари и святые подвижники. Святого подвижника Виктор

однажды видел. Рядом с ним накатывало странное ощущение – смесь радости, любви к миру и страха. Виктор не был уверен, что хочет снова испытать такое. О благородных рыцарях Виктору даже думать не хотелось. Навидался, в том числе и в зеркале. Интересно, это хоть как-то поможет в ловле некроманта?

Теперь настала очередь знакомства с магами.

Увидев направляющуюся к нему молодую, очень мрачную тощую девицу, Виктор собрался было рявкнуть на городских – почему пропустили на место преступления постороннего? Но девица его опередила.

– Вы Виктор Берген, младший следователь?

– К вашим услугам. Здравствуйте, сударыня, – вежливо поклонился он. – Чем могу...

– Добрый день, – перебила она. – Я Анна Мальцева, маг-эксперт. – Девица тонкими пальчиками с коротко подстриженными ногтями предъявила Виктору служебный жетон.

Жетон был, несомненно, настоящим. А вот его обладательница...

Худая, уставшая, кажется, даже изнуренная, блондинка. Совершенно обычная, на улице увидишь и не вспомнишь. Прическа небрежная, косметики на лице почти нет, простое темно-синее платье с вязаным кружевным воротничком. Голос приятный, но никаких глубоких обертонов. От гувернантки в небогатом доме отличается только перстнем-печаткой – знаком дипломированного мага. На вид – лет двадцать. Ну или двадцать пять. Ей бы детишек грамоте учить, надеясь скопить какое-никакое приданое, а не трупы осматривать.

Виктор почувствовал себя жестоко обманутым. Ждал серьезную помощь, мага-профи, а прислали... Эх, шеф, поторопились вы с комплектацией штата магов-экспертов! Впрочем, куда деваться? Попала собака в колесо... Интересно, эта тощая швабра хоть с собакой-то поможет? Небось, специалист по косметическим операциям и выведению прыщей. И повезет, если специалист – судя по ее виду, очереди к ней не выстраиваются. Тоже мне, магичка.

«Следствие – это терпение, – снова одернул сам себя Виктор. – Работай с тем, кто есть. Уйми свой гонор, тут от него вообще никакой пользы не будет».

Девушка демонстративно оглядела Виктора с ног до головы. Мрачно усмехнулась, посмотрев ему в глаза: несмотря на то, что она едва доставала ему до плеча, Виктор на миг ощутил себя букашкой, которую разглядывают на стекле.

– Я тоже очень рада вас видеть, – заявила магичка с едким сарказмом. – Я обладаю достаточной квалификацией для проведения экспертизы. Ментальный маг-медик восьмого класса, внештатный сотрудник стражи. Договор подписала неделю назад, это мое первое дело. Еще вопросы будут?

– Простите, мистрис, но я и этих-то не задавал... – смущенно протянул Виктор, стараясь придать голосу раскаяние.

Он был уверен, что ему удалось скрыть недоумение. Но скрывать что-то от ментальщика... Так что – терпение и терпение! И пусть она решит, что ему очень неловко. Эх, прав был мастер Николас...

– У вас разочарование на лице написано, большими буквами, – уже без сарказма, но и без тени дружелюбия ответила магичка, – а я считаю, что сразу прояснить все нюансы намного проще, чем потом пытаться что-то узнать окольными путями. Поэтому – спрашивайте. Или давайте считать ритуал знакомства оконченным и приступим к работе.

– Прошу вас, – посторонился Виктор, невольно скопировав жест, которым недавно приглашал к осмотру мастера Николаса.

«Похоже, у меня есть стиль работы с экспертами, – саркастически сказал про себя младший следователь. – Так себе стиль».

Солнце уже давно вошло и припекало, над телом жужжали первые мухи. Запах в проулке стоял тошнотворный: слегка подсохшая кровь, содержимое распотрошенного желудка жертвы и «подарочек», оставленный обнаружившим тело столяром, составляли непередаваемый по отвратности букет.

Анна скривилась, достала платок и приложила к лицу. Другой рукой аккуратно подобрала юбку и обошла тело вокруг. Наклонилась, зачем-то очень пристально всмотревшись в лицо жертвы. Так же внимательно осмотрела раны, правда, ни к чему не прикасаясь.

Виктор завистливо подумал, что дамочка держится лучше всех, не считая мастера Николаса. Ни тошноты, ни страха, разглядывает этот ужас как головоломку. Впрочем, она же вроде как маг, а с ними вообще все странно. В любом случае – спасибо, что обошлось без обмороков. Может быть, она и вправду настоящая колдунья, хоть и выглядит так... непрезентабельно.

Хотя, конечно, поверить в это сложно. Маги, они... величественные должны быть! Или хотя бы красивые. И уж точно побогаче одетые, судя по их вероятным гонорарам.

Артефакты-то в лавке стоят... Лучше и не вспоминать.

– В целом, господин младший следователь, картина ясная и очень печальная, – сообщила Анна, отойдя от трупа. – Пойдемте за угол, там дышать легче. И можете увозить тело, я увидела все, что нужно. Остальные исследования лучше провести в морге.

Виктор старательно пропустил мимо ушей акцент на слове «младший», махнул рукой парням из «труповозки», скучавшим в отдалении, и направился следом за магичкой. Из всех сил пытаюсь унять снова разыгравшееся раздражение.

– Вам как удобнее, господин Берген? Сразу выводы или сначала подробные основания? – поинтересовалась Анна.

– Пожалуйста, сначала выводы, потом – объяснения. И акт экспертизы, если не сложно, оформите сегодня, – попросил Виктор.

Ему почти мгновенно стало неловко за несдержанность. Язык мой – враг мой. Судя по взгляду магички, она подавила желание сказать следователю какую-нибудь гадость за хамское напоминание о регламенте.

Видимо, она тоже решила не ссориться с первых минут.

– Хорошо, господин следователь, – примирительно кивнула Анна. – Вы имеете дело с серийным убийцей, скорее всего – некромантом. Точнее я вам скажу после детального исследования. Я практически уверена, что жертва не единственная и не так давно был как минимум еще один похожий труп. Убийца неопытен, но имеет общие представления о медицине, или, что более вероятно, о методиках извлечения некротической энергии. Физически не слишком силен. Орудие убийства – скорее всего, очень острый нож с тонким лезвием. По крайней мере, видимые повреждения нанесены именно таким орудием. Точнее скажу после вскрытия.

– Спасибо. Сударыня, пока вы не приступили к пояснениям, взгляните еще на эти предметы. Может быть, сможете что-то по ним определить?

Виктор достал из сумки аккуратно завернутые в бумагу ленту и бутылку, обнаруженные около трупа, и показал Анне, где они были найдены.

Магичка взяла в руки ленту, поднесла поближе к лицу, пристально во что-то всматриваясь. Зажала между ладонями, слегка потерла и разочарованно покачала головой.

Бутылка не вызвала у эксперта такого интереса, ее Анна покрутила в руках, понюхала и отдала обратно Виктору.

– К сожалению, здесь было слишком мощное некротическое поле, – проговорила она, тщательно протирая руки салфеткой, извлеченной из сумочки. – Энергия разливалась так, что просто смыла прежние следы со всего, что находилось в радиусе примерно трех метров от тела. С уверенностью могу утверждать: лента была здесь в момент убийства. Точнее – во время убийства.

От ее слов Виктора слегка передернуло. Он прекрасно понимал, что сторож умер не мгновенно, но то, как магичка произнесла эти слова...

– А вот с бутылкой все просто, – продолжила Анна. – Она появилась здесь, когда жертва уже была мертва. Человек, последним державший бутылку в руках и вылакавший почти все содержимое, в данный момент находится примерно в той стороне. – Она махнула рукой в сторону управы, где в камере сидел обнаруживший труп пьяница-столяр. – И сладко спит.

Виктор не смог сдержать завистливого смешка. Вот бы тоже сладко уснуть...

К концу дежурства, после суток без сна, голова была совершенно ватная. И сейчас, когда не нужно было ничего писать и никуда бежать, голод и усталость навалились с новой силой. Голос магички-эксперта показался очень далеким и звучал как-то глухо. Виктор быстро взял себя в руки и с трудом поверил тому, что услышал:

– Может быть, мы продолжим беседу в каком-нибудь кафе? Маги очень трепетно относятся к режиму питания, и мне определенно пора завтракать. Да и вам явно не помешает. Вы ведь уже часов двадцать на ногах? И, я уверена, вы знаете неподалеку место, где хорошо кормят.

Виктор из гордости начал было сочинять какую-то сложную словесную конструкцию о необходимости проведения дополнительных опросов, но быстро плюнул на это бесполезное занятие.

Есть хотелось почти невыносимо, а без кружки кофе он опасался уснуть на ходу. Или окончательно утратить самоконтроль, наговорить гадостей эксперту и завалить все дело.

– Надеюсь, вас, сударыня, не смутит Веселый квартал? Самая близкая вкусная еда там.

– Шуты и шлюхи? Что вы! – рассмеялась она. – Магам и страже там самое место.

Глава 3

Кабачки Веселого квартала всегда работали «до последнего клиента». Виктор был уверен, что сейчас, когда Гнездовск наводнили приближенные владетельных особ, съехавшихся на княжеский бал, наверняка кто-нибудь еще кутит в одном из заведений.

И не ошибся: окна подвальчика «Белый ферзь», кабачка с шахматной фигурой на вывеске, гостеприимно светились. Он располагался под одним из игорных домов, но был скорее «объектом культуры», чем дополнением к покеру и костям.

Вечерами здесь собиралось довольно много народа, играли музыканты, а иногда даже устраивались поэтические вечера. Виктор поэзию не любил и не очень понимал, зато готовили в «Ферзе» просто превосходно. Ради такой кухни можно и потерпеть натужные вирши местных талантов.

В центре зала располагалось несколько столов для больших компаний, а вдоль одной из неоштукатуренных кирпичных стен были уютные кабинетики, в которых можно поговорить с глазу на глаз. Виктор и Анна прошли мимо усталой, но веселой группы молодых людей, расположившейся по центру зала, и устроились за дальним столиком.

Ребята явно пили и развлекались с вечера. Четверо из них не обратили на магичку и следователя никакого внимания. Пятый, невысокий худой брюнет, проводил Анну удивленным и, как показалось Виктору, восторженным взглядом. Даже хотел подойти – но наткнулся глазами на фигуру следователя и стушевался.

«Совсем у парнишки вкуса нет, – ехидно подумал Виктор, – на что тут так пялиться? Или он настолько пьян, что любая кажется красоткой?»

Анна интерес к себе, кажется, вообще не заметила.

Магичка попросила чая и стала пристально изучать меню. Виктор быстро сделал заказ и от нечего делать разглядывал посетителей.

Восторженный юноша на Анну больше не смотрел, уткнулся в кружку, чему-то счастливо улыбаясь. Сидевший с ним рядом коренастый блондин, судя поговору – уроженец Альграда, заплетающимся языком говорил своему соседу, который показался Виктору смутно знакомым:

– Славка, они меня достали. Ты не представляешь, как они меня достали! Прикинь – сидят пятнадцать старейшин полянских общин и рядятся из-за

какого-то Богом забытого перелеска в паршивом медвежьем углу! Никому этот перелесок не сдался, там полтора черничных куста растет, но нет! Решают, кому он принадлежит. Уроды!

– А конунг? – сочувственно спросил Славка.

– А что конунг... Посидел пять минут и по делам своим пошел. Раз уж, говорит, сестра моя придумала сделать полянскую провинцию в конунгате, так пусть сама и разбирается в их проблемах. Мне, мол, вдоль кольчуги. Ему-то что: с полевиков налог общий, а кто из родов сколько внес – неважно. Фрайин Ингрид тоже скучно полянские проблемы решать. И кто у нас крайний? Правильно, секретарь... – Он горько вздохнул и отпил из кружки солидный глоток. – Но все равно потом конунг с сестрой про полевиков ругались, видать, его тоже чем-то достали до печени...

Славка... Виктор вспомнил, где видел этого курносого крепыша. На недавнем смотре стражи, рядом с князем Гнездовским. Здесь у нас участливо кивает проблемам приятеля оруженосец и племянник князя, как же его? А! Славомир.

Похоже, он организует, хм... культурный досуг зарубежным коллегам.

– Какая боль, какая мука не видеть твоих дивных глаз! – коряво-театральным жестом простер руку еще один участник застолья, щегольски закинув за плечо шелковый шарф. Смотрел он при этом на альградского секретаря, явно имея в виду что-то похабное, всем присутствующим прекрасно известное.

– Анжей, лучше б ты заткнулся... – похлопал его по плечу молодой парень, движениями очень похожий на толстолапного щенка породистой собаки: неуклюжий от неопытности, дайте время – вырастет в прекрасного зверя. – Не беси Олега, он же тебе сейчас по-простому, как нормальный викинг, проломит башку табуреткой. Тебе будет уже поровну, а герцогу твоему придется конунгату войну объявлять...

– Виру заплачу, – буркнул Олег.

– Людвиг Кори, – преувеличенно сокрушенно вздохнул Анжей, – вечно ты все испортишь. У меня, может быть, вдохновение! Поэтический взлет! Петер, ну хоть ты-то меня понимаешь? – пихнул он в плечо магичкиного воздыхателя.

– В лужу не шмякнись, пиит, от своих взлетов, – явно думая о чем-то другом, отмахнулся Петер.

Магичка наконец-то окончательно определилась с заказом.

Виктор с наслаждением допивал первую на сегодня кружку кофе и пытался понять, как она собирается съесть все то, что попросила принести. С ее-то фигурой – куда все влезает? Или она неделю голодала?

Госпожа Мальцева начала с салата, потом на очереди были жаркое, отбивные, блинчики и какой-то пирог. Не считая только что принесенной огромной кружки с черным чаем, в который она добавила сливки и сахар.

Анна поймала недоуменный взгляд и грустно усмехнулась.

– Господин следователь, вы, похоже, совсем не в курсе механики работы магов. Так что мы с вами логично переходим ко второй части беседы, к пояснениям моих выводов. Я правильно понимаю, что вы не слишком хорошо знакомы с классификацией магических способностей?

– Да, госпожа Мальцева. Сознаюсь, виновен. Практически не знаком, – в тон ей кивнул Виктор.

«Умеешь считать до десяти – остановись на семи», – вспомнил он очередное наставление Ждановича. Конечно, общую теорию про три вида магов Виктор знал. Но ведь ею-то вся эта история явно не ограничится. «Вот черт, – подумал он, – сейчас придется разбираться еще и в тонкостях классификации колдунов. А куда деваться... Точно, повезло так повезло, отличный труп надежурил!»

Официантка поставила на стол несколько тарелок. Анна сделала неопределенный жест вилок, выбирая между горшочком жаркого и отбивными. Остановилась на отбивных. Аккуратно отрезала кусочек ароматного прожаренного мяса и продолжила:

– Есть три вида магических способностей. Маги Стихий – огненные, водные, земные и воздушные – подключаются к силам природы и оперируют их энергией.

Но они нам сейчас, к счастью, не интересны.

Виктор кивнул с понимающим видом. Пусть она считает его полным валенком, не разбирающимся даже в таких общеизвестных вещах. Пусть продолжает умничать с менторским видом – человек, верящий, что остальные признают его значимость, гораздо более открыт. Это азы ведения допросов. Так что лучшее, что здесь можно сделать, – кивать и вовремя вставлять «ага», «угу» и «да неужели!». Авось этот горе-эксперт расслабится и перестанет злиться. Другого все равно нет, а работать надо.

– Угу, – еще раз старательно кивнул Виктор.

Подавил желание насадить на вилку поджаренную колбасу (Привет, сержант! Вот и на моей улице праздник!) и немедленно откусить половину. Не будь рядом магички – он бы так и сделал, но в присутствии эксперта приходилось вести себя прилично. Ножом и вилочкой, аккуратноненько, и соусом не капнуть, куда не надо...

– Черные маги, они же – некроманты, – продолжала Анна, – оперируют энергией, выделяющейся при разрушении живых существ. В момент смерти в особенности. Чем более мучительна смерть – тем больше энергии может получить маг. Они нас с вами в рамках дела интересуют больше всего.

Виктор снова понимающе кивнул, мысленно выругался на всплывший было в памяти образ трупа, но не дал ему испортить себе аппетит. Еда была слишком хороша, чтобы отказываться от нее из-за какого-то колдуна.

«Посрамм черную магию в меру сил!» – мысленно хихикнул он и сделал большой глоток кофе.

– Я понял, сударыня, – вслух вежливо сказал Виктор, – ищем некроманта, – и, сочтя проявление интереса достаточным, впился зубами в последний кусок колбасы.

Официантка поставила перед ним горшочек на большой плоской тарелке. Из горшка упоительно пахло мясом и грибами, а на тарелке были свернуты треугольничками несколько блинов. Это называлось «мачанка», и Виктор считал ее одной из главных причин своей любви к Гнездовскому княжеству.

Потому что – ну невозможно же от такой вкуснятины отказаться!

Вся суть мачанки в соусе. Она потому так и называется – «мачанка», от «макать». Готовят ее по-разному, у каждого уважающего себя местного повара есть свой рецепт с секретами. В «Белом ферзе» соус делали сметанным, с луком, чесноком, специями и пряными травами. Этот восторг вкуса подавали в горшочке, с мясом и грибами, закрытом крышечкой из запеченной тертой картошки. Блины (два пшеничных и один гречневый) были приятным дополнением. Знатоков высокой кухни подобное использование благородного картофеля приводило в священный ужас, но жители Гнездовского княжества спокойно пропускали их вопли мимо ушей, продолжая лакомиться так, как им нравилось.

– Третий вид – ментальщики, они же – витальные маги, они же... названий много, – улыбнулась Анна, глядя на довольную физиономию Виктора, поддевающего ножом картофельную крышечку. – Именно к оним я имею честь относиться. Мы оперируем силой жизни. Но это все вы, господин Берген, и так прекрасно знаете.

Виктор почтительно кивнул.

– Но кое-что вам, похоже, неизвестно, – продолжила Анна, глотнув чая. – Некроманты ради силы убивают и могут работать только с тем, что когда-то было живым. Еще могут парализовать, чтобы убивать было проще.

Виктор скривился. Вот почему сторож не сопротивлялся...

– Стихийщики, – продолжала Анна, – сливаются с природой и способны направлять ее силы. А мы, ментальщики, работаем собой. Своей жизнью. И можем этой жизнью делиться, потому среди нас так много медиков. Так что пусть вас не удивляет моя диета – силу-то брать откуда-то надо. Вот и считают нас жуткими обжорами, хотя все дело в энергии.

– Я действительно был не в курсе, – покачал головой Виктор.

– Ничего страшного. В Империи ведь этому не учат... Спасибо, – кивнула Анна юной официантке, которая принесла блинчики и вазочку с вареньем. –

Согласитесь, господин Берген, в такой профессиональной специфике есть масса плюсов. Столько вкусного можно попробовать, и никаких диет... Кстати, ментальные способности есть почти у всех людей, хотя сильный потенциал редкость. Я вот, например, слабенькая посредственность. Восьмой уровень – мелочь.

Виктор постарался изобразить сомнение.

– Не стоит вежливых реверансов, – махнула рукой Анна, – на качественную экспертизу меня хватит. Если буду сытой и отдохнувшей – смогу кое-как затянуть на вас смертельную рану, при отсутствии серьезных повреждений нескольких органов.

Виктор изумленно приподнял бровь.

– Вам же нужно знать, с кем вы имеете дело и на что можете рассчитывать, – со всей серьезностью пояснила Анна.

– Впечатляет, – покачал головой Виктор.

– Зря, – отрезала Анна, – это мелочь в сравнении с возможностями сильных магов. Один из моих преподавателей, например, пришел на место голову казненного на плахе. Пациент выжил, хоть и долго в себя приходил.

– А приговор? – поинтересовался следователь.

– Не знаю. Меня не интересовала юридическая сторона вопроса, только медицинская. Но давайте вернемся к нашему делу.

– Угу, – кивнул Виктор. Ответить более членораздельно у него не было возможности, потому что он только что отправил в рот полную ложку мачанки.

– Скорее всего, складского сторожа убил плохо обученный некромант, которому силушка и удовольствие от мучительной смерти жертвы ударили в голову. Чувства некроманта в момент ритуального убийства сложно с чем-либо сравнить – это адская, в почти буквальном смысле, смесь восторга от собственной силы и власти... Предельное ощущение счастья. Никто не может остаться

равнодушным. И он теперь точно не остановится.

В полумраке кабачка глаза Анны, кажется, стали отблескивать багровым. На ее лице промелькнула тень – так люди говорят о самых счастливых моментах жизни, которых потом стыдятся. Смесь боли, неловкости и восторга... Кусочек блинчика на вилке, который она обмакнула в клубничное варенье, на секунду показался Виктору окровавленной плотью, вырванной из кричащего от боли тела, уже не имеющего почти ничего общего с разумным существом...

– Именно поэтому некромантов прежде всего учат самоконтролю, – спокойно добавила она.

Глаза у Анны Мальцевой были совершенно обычными, тусклыми и серыми. А блинчик с вареньем остался просто куском прожаренного теста.

Виктору нужно было хоть что-то сказать. Как-то разбавить повисшее молчание.

– Но почему вы решили, что убийца – некромант? – ляпнул он первое, что пришло в голову. – Может быть, он просто использовал какой-то артефакт?

– Судя по напряжению мышц и положению тела, жертву парализовало очень быстро, секунд за десять, но не мгновенно, – пояснила Анна. – Он пытался шевелиться, но не смог. Плюс – мимические мышцы не были затронуты, хотя голосовые связки не работали. Артефакты действуют сразу и на все, а тут – частичная неподвижность. Жертва остается в сознании и чувствует боль в полной мере, но кричать и сопротивляться не в состоянии. Так что он управлял процессом и знал, что делает.

Виктора снова передернуло. Он невольно представил, что чувствовал бедный сторож, пока эта гнусная тварь его убивала. Невыносимая боль, невозможность даже застонать – и жуткая радость убийцы... Кошмар.

Ваньку Косого, зарезавшего своего подельника ради украденного подсвечника, Виктор понять, в общем, мог. И даже компотом в допросной поил, когда Ванька, давясь запоздалым раскаянием, давал повинные показания.

Но это...

Виктор не был уверен, что хочет доставить убийцу сторожа в суд. Скорее уж – при попытке к бегству... Но, как говорится, рано делить шкуру неубитого медведя. Медведь в лесу, лес далеко.

– Способности к некромантии у нашего преступника проявились точно не вчера, и сторож – не первая жертва, – продолжала Анна. – Убийца уже имел достаточно сил для того, чтобы обездвигить здорового мужика. Значит, не так давно он похожим образом убил кого-то послабее. Он силен, но не нажил достаточно мозгов, чтобы не оставить следов. Да и действовал слишком по-дилетантски, – презрительно фыркнула она. – Серьезный маг с образованием добыл бы из жертвы намного больше...

– Есть какие-то методики? Этому УЧАТ? – не смог сдержать отвращения Виктор.

Он, конечно, слегка преувеличил свое неведение в области магических знаний, но говорил искренне.

– Конечно, учат. В академии Дракенберга, – серьезно кивнула Анна. – Далеко не всех, как я вам уже говорила.

Только тех, кто способен держать в узде свои таланты некроманта и страсть к чужим страданиям.

– А те, кто не может?

– Если они попадают в поле зрения магов академии до того, как натворили что-то серьезное, – их натаскивают на самоконтроль. Если нет... Они достаются вам или Тайному приказу, в качестве обвиняемых по уголовным преступлениям. В особо трудных обстоятельствах – нашей Инквизиции. Но это редчайшие случаи, так что нам с вами, можно сказать, повезло.

– Вы так спокойно об этом говорите?

– Я должна рвать на себе волосы? – Анна размешала сахар в новой чашке чая и отпила из нее, пристально глядя в глаза Виктору поверх золотистого ободка на фарфоре. – Способность к магии дается от природы. И только от человека зависит, как он этим талантом распорядится. Вы ведь не оправдываете

карманника, потому что у него ловкие руки? Фальшивомонетчика за острый глаз и точную чеканку? Насильника, который, как говорят адвокаты, «не смог с собой совладать»? Убийцу? Вы, господин следователь, как никто другой должны понимать разницу между «может и очень хочет» и «сделал». Мы не способны контролировать свои желания. Но наши действия зависят от нас и только от нас.

Анна говорила очень горячо – этот вопрос, похоже, был чем-то личным. Чем-то больше, чем простая, затасканная житейская философия.

– Спасибо за лекцию, госпожа Мальцева, – слегка поклонился Виктор. – Позвольте, я подведу итог.

– Извольте.

– Итак, мы имеем дело именно с некромантом, юным, плохо обученным, скорее всего, не имеющим отношения к академии. Он уже убивал совсем недавно – и, вероятно, не планирует останавливаться.

– Все верно, – кивнула Анна.

– Ну что ж. – Виктор аккуратно сложил на тарелке вилку и нож. – Раз вы говорите, что недавно был еще один труп того же авторства – мне пора в управление, искать его по сводкам.

«Ранения нанесены тонким острым лезвием...»

Верка-Хохотушка. Искромсанное тело, ждущее, пока он закончит с протоколами. Только из-за отъезда Ждановича ее еще не закопали под речитатив попа из кладбищенской церкви.

«Со святыми упокой...»

Вот дрянь.

– Сударыня, на всякий случай... В морге сейчас лежит тело женщины, убитой в ночь с понедельника на вторник. Осмотрите и его, пожалуйста. Может быть, это и есть первая жертва нашего некроманта.

Анна посмотрела на него в упор.

– Хорошо. Подробный отчет будет у вас к вечеру.

Виктор коротко попрощался, бросил на стол несколько монет и почти бегом выскочил на улицу из полутемного трактирного подвальчика.

Утреннее июльское солнце ударило Виктору в глаза, заставляя сощуриться после полумрака. В Гнездовске, по сравнению с Гетской империей, все было намного ярче: зелень деревьев и газонов, цветы в палисадниках, даже дома жители княжества старались выкрасить как-нибудь понаряднее. Улицы окраин пестрели синими, зелеными и желтыми оттенками модных здесь полосатых заборов. В центре все было более сдержанно и солидно, но белый мрамор облицовки особняков тоже резко контрастировал с серым гранитом имперских зданий. Виктор в жизни бы в этом не признался, но любил Гнездовск всей душой, в том числе и за эту праздничную разноцветность.

Княжеский замок неподалеку от столицы, говорят, был кирпично-красным. Виктор, когда-то наследник одного из самых знатных родов Гетской империи, а сейчас – просто младший следователь, этого замка ни разу не видел.

Незачем было.

Когда-то он мог бы стать там дорогим гостем. Сейчас его, скорее всего, не пустят на порог.

Что ж, мир меняется...

К своему прошлому Виктор старался относиться как к прочитанной когда-то книге. А то, что имя ее главного героя и имя младшего следователя совпадают, – так бывают совпадения и покруче.

Он не любил вспоминать, как блестящий выпускник военной академии, оруженосец, наследник громадного имперского баронства превратился сначала в лейтенанта тяжелой кавалерии, потом был посвящен в рыцари самим императором Константином, сколотил из вчерашних курсантов серьезный

боевой отряд и громил конницу принца Александра в хвост и гриву, при Гарце самого Александра вышиб из седла... А в итоге, кое-как оправившись от ран в монастыре неподалеку от сожженного городка Орлов, выбирался из Империи. Неважно куда, лишь бы подальше от наводивших новый порядок войск победившего младшего принца, а теперь императора Александра.

Конечно, он был не один такой – выживший в войне сторонник проигравшего Константина. Некоторые из бывших соратников Виктора присягнули новому Императору. Из тех, кто уехал, многие очень неплохо жили в Гнездовске, Кошице и других окрестных государствах. Кто-то сумел вывезти кое-какие ценности, кто-то удачно пристроился у местной влиятельной родни.

Виктор пересек границу Гнездовского княжества с парой монет в кармане (как они ему достались – история отдельная и малоприятная), в драном плаще и почти развалившихся сапогах. Он был готов сдохнуть в ближайшей канаве, но не идти на поклон к кому-нибудь из дальних родственников, которых в жизни не видел. Блестящий рыцарь, потомок князей Бельских и наследник баронства Берген (впрочем, будем честны – уже барон, отец явно не выжил в бойне), лишенный земель и титула, не брившийся несколько недель и давно не евший досыта...

Нет, он не мог допустить такого.

Нет больше ни барона, ни рыцаря... Есть просто Виктор. Сам по себе.

Так что жизнь Виктора началась примерно три года назад, около доски объявлений, где голодный и замученный долгим пешим путешествием бывший гетский рыцарь прочитал о наборе в школу стражников. Кандидатам, успешно сдавшим экзамен, обещали казарму, форму и еду.

О большем он на тот момент не мог и мечтать.

* * *

... Перед рассветом, мешая сон с памятью, он до сих пор иногда слышал крик: «Конница! Жандармы Александра!»

И – грохот тяжелой кавалерии, летящей на строй панцирной пехоты. Ветер доносит кислый запах сгоревшего пороха, над аркебузерами поднимаются облачка дыма... Мало, слишком мало! И не всяким выстрелом пробьешь рыцарский доспех.

– Стоять! Стоять! Ждать!

Густав, сжимая поводья коня до хруста латной перчатки, шептал:

– Не успеем! Командир, конники сейчас их сметут, командир...

– Ждать!

Все, что вы могли тогда, – фланговый удар. Жандармы летят, как пушечное ядро, развернуться не смогут. У кучки рыцарей, вчерашних курсантов, будет шанс. Вас было мало для открытого боя – но для атаки из засады в самый раз.

– Ждать!

Парни держатся на последнем издыхании. На верности присяге, на долге, да бог его знает на чем! Они всем сердцем хотят вылететь на поле из-за прикрытия рожи, ринуться в бой, ведь сейчас конница врубится в строй пехоты – и все!

– Стоять!

Виктор ни в чем не был уверен. Потом скажут, что он идеально рассчитал скорости, что точно выбрал место, что юный Бельский – гений... Какая, к черту, гениальность! Просто нужно было дать им набрать скорость, и только тогда...

– Вперед!!!

Два строя гетской кавалерии сшиблись в небольшой ложбинке, на пологом спуске к реке. Таранный удар Александра был сбит. Спустя несколько минут в адово месиво из людей и коней вломились пикинеры.

Виктор надеялся, что никогда больше не испытает этого дикого чувства – почти неодолимого стремления кинуться в атаку, необходимости ждать и заставлять

ждать других, уверенности в своей правоте, мгновений панического ужаса – а вдруг ошибся?

Он врал сам себе.

Виктор отдал бы жизнь за шанс снова стать острием Божьего меча.

* * *

Год Виктор провел в учебке. Всерьез нужно было разобраться только в тонкостях гнездовских законов – математику, языки и историю он знал, пожалуй, лучше здешних преподавателей. Патрулировать улицы курсантам тоже приходилось, но и это не стало проблемой: бегать за жуликами без полного доспеха гораздо проще, а навыки обращения с дубинкой и «щитом стражника» (и щит, и нож – странная конструкция) Виктор наработал довольно быстро. По окончании обучения – еще один экзамен и стажировка в качестве помощника следователя. В результате: извольте видеть – Виктор Берген, младший следователь Управления стражи княжества Гнездовского.

Патрули, потом – дежурства, протоколы, шуточки экспертов и наставления Ждановича стали для него единственной реальностью. И из мрачного бывшего гетского рыцаря получился вполне жизнерадостный молодой сотрудник стражи. Стремящийся сделать карьеру в следствии и готовый пахать сутками ради раскрытия преступления. Вот только авантурные романы любит на дежурстве почитать.

«Наш Малыш».

Нет, ну какой урод удружил, а?

Сейчас, после общения с магичкой, Виктору было сильно не по себе. Он вдыхал утренний воздух, еще не до конца прогретый солнцем, а в голове крутилось странное: «Ни за какие коврижки я не буду с ней... хм... ну, скажем, ужинать при свечах». Хотя, отметил про себя Виктор, при ближайшем рассмотрении фигурка у Анны оказалась очень даже ничего. Еще б лицо попроще сделала – и милейшая получилась бы девица.

Но... ну ее к черту. Что, красоток на свете мало?

Мимо сновали по своим делам обитатели Веселого квартала. Самая бурная жизнь начнется здесь ближе к вечеру, а сейчас актеры, фигляры, карманники и шлюхи были почти неотличимы от простых обывателей. Пожилая женщина, подоткнув юбку, мыла окна в соседнем доме. Пара подростков катила тележку, нагруженную какой-то снедью, – видимо, в один из кабачков квартала, для вечерних дорогих гостей. По улице быстро шел огромный мужик с бугрящимися под рубахой мышцами, похоже, атлет из местной цирковой труппы. Где-то за углом лениво скандалили, на столбике палисадника вылизывался полосатый кот...

Заворачивая за угол, Виктор краем глаза заметил, как кот, прижав уши, шипит на вышедшую из подвальчика «Ферзя» магичку.

«Даже зверью она не нравится», – ехидно заметил Виктор.

* * *

Когда тебе было пять лет...

– Посиди тут, подожди меня. Не скучай, я скоро.

Сначала ты болтаешь ногами, сидя на стуле. Больничные стенки вокруг тусклые, скучные, бледно-зеленые.

Фу.

Ты пытаешься дотянуться ногой до соседнего стула, но ничего не получается.

Сестра милосердия, которой поручили за тобой присматривать, тоже скучная. Обыкновенная. Как стенки. Бумажки какие-то пишет... Хоть бы порисовать дала. Ага, как же, даст она... Тетка, похожая на рыбу. Снулюю, толстую рыбу, которая одиноко лежит на холстине, расстеленной перед торговцем. Одна осталась, всех продали, а эта никому не нужна.

Гадость какая.

Ты тихонько сползаешь со стула.

Ну ее, эту рыбу.

Тетка не обращает на тебя никакого внимания. К ней быстрым шагом подходит другая тетка-рыба, что-то шепчет, и обе убегают.

Ишь ты, рыбы, а бегают...

Ты остаешься в одиночестве в пустом коридоре со стульями. Сначала ты прыгаешь по клеточкам пола, стараясь попадать через одну. Получается не всегда, и тебе быстро надоедает.

Клеточки серые. Скучные.

Порисовать на теткиных бумажках?

Ты забираешься на ее стул коленками. На столе – серые листы и перо в черной чернильнице. Тебе не хочется рисовать черным. Вот бы красный карандашик! Ты такую красоту тут наведешь!

Нету карандашика.

Дальше по коридору – двери. Может быть, там есть хоть что-нибудь интересное?

Ты идешь. По клеточкам на полу, громко топая. Ты прыгаешь по крестикам, в которые собираются клеточки. Если не ошибиться, пропрыгать все правильно, будет что-нибудь хорошее.

Не может же все здесь быть таким же скучным!

Правая дверь немножко приоткрыта. За ней – лестница. Узенькая, темная, с витыми перильцами.

Ух ты!

Может, она волшебная? Может, это сказка? И там, наверху, серые снулые рыбы прячут сокровища?

Помогли клеточки-крестики на полу!

Надо разведать.

Ты забираешься по лестнице. Перед тобой – такой же коридор, тоже тусклый, но дверей намного больше.

Сокровища?

Тыходишь к третьей двери. Три – во всех сказках важное число. За первыми двумя обычно ничего интересного, так зачем время терять?

Ты дотягиваешься до медной ручки, повисаешь на ней, и дверь открывается.

Так, зацепившись обеими руками, ты въезжаешь в комнату.

Кататься на двери – здорово! Ты хочешь от чего-нибудь оттолкнуться, чтобы прокатиться обратно, но слышишь стон.

Комната маленькая. У окна стоит кровать, на кровати – дядька. Седой, перемотанный белым.

Вроде, это называется «забинтованный».

Дядьке плохо.

Дядька тебя не видит. Дядька стонет. Дядька закатил глаза, скребет костлявой рукой по матрацу, словно пытаясь что-то схватить.

Ты понимаешь, что у дядьки внутри что-то жуткое, и ему от этого очень больно.

Тебе уже не скучно. Тебе не хочется рисовать, тебе не нужна веселая дверь, тебе не интересно кататься.

Все твоё внимание приковано к дядьке.

Ты не можешь оторваться. Ты в восторге. Ты радостно смеешься,ходишь к дядьке и лезешь к нему на кровать, чтобы быть поближе к жуткой штуке, которая так тебя манит. Или не к штуке? К тому, что происходит с дядькой? Ты не задумываешься, ты просто радуешься.

Тебе очень, очень хорошо.

Тебя найдут через несколько часов. В больнице начнется страшный переполох, но никому в голову не придет пойти в комнатку, где ждет смерти каменщик, упавший с лесов и теперь умирающий от внутреннего кровотечения. В поисках будет сбиваться с ног и монашка – его сиделка, которая ненадолго отошла перед твоим появлением.

А ты в это время будешь сладко спать, обнимая мертвое тело. И счастливо улыбаться во сне.

* * *

Когда появлялось слишком много новой информации, Виктор начинал тихонько звереть. Он знал один способ как-то уложить сведения в голове – переключиться на что-то, не имеющее никакого отношения к делу. Виктор проходил через центральный городской сквер неподалеку от управления, когда смесь из планируемых следственных действий, злость на некроманта-самоучку и опасения, что паршивец может удрать из-за его непрофессионализма, накрыли Виктора с головой. Что скрывать, такие мысли у младшего следователя появлялись каждый раз, когда он брался за новое дело.

Виктор свистнул пробежавшему мимо мальчишке-газетчику, во все горло вопящему: «Новости княжества Гнездовского! Весь высший свет Заозерья съехался на сезон балов!»

Получив утреннюю прессу в обмен на серебряную монетку (дорогое удовольствие!), Виктор уселся на лавочку около фонтана и развернул газету. Он предусмотрительно взял не только тоненький листок с последними новостями, но и вышедший вчера, во вторник, солидный еженедельник. И пусть любая зараза, желающая ехидничать в стиле «младший следователь, а корчит из себя приличного человека», идет... по своим делам.

На первом же развороте была громадная статья о княжеских гостях. С подробным перечислением титулов, регалий и заслуг представителей высшего общества. Виктор с привычным сарказмом подумал: «А ведь пойдя история иначе, ты мог бы здесь свой портрет увидеть». Но что имперскому барону делать в Заозерье?

И вообще – уймись. Читай газетку, думай про следствие.

Виктор зашуршал страницами, разглядывая портреты.

Герцог Болеслав Кошицкий. Крепкий мужчина лет шестидесяти, в прошлом – победитель конных турниров, а теперь – самый, пожалуй, богатый и влиятельный господин в этой части материка. Герцогство Кошиц сейчас самое сильное государство в Заозерском альянсе, но до единоличной власти над землей между Острым хребтом и Каскадом озер ему далековато. Слишком много конкурентов, и самый серьезный среди них – князь Гнездовский. Впрочем, остальные мало уступают.

Барон Кордор из Кроска. Высокий, болезненно худой человек неопределенного возраста – все что угодно от сорока до семидесяти. Говорят, большой любитель магической медицины. Сам по себе Кроск – крошечный пяточок на скалистом отроге Острого хребта, вот только барон избран председателем Мергентского торгового союза, объединяющего с десятков похожих майоратов, несколько очень солидных торговых домов и два вольных города. А это, учитывая богатство и влияние союза, уже совсем другая история. Флот Мергента на равных спорил с мощью эзельгаррского и уж точно превосходил альградский.

Еще один важный гость князя – барон Витольд Эзельгаррский. До последнего момента было неясно, позволит ли ему здоровье приехать в Гнездовск. Старый барон уже не мог ходить, его возили в кресле на колесиках, а сюда он прибыл телепортом. Видимо, для умирающего барона очень важно оказаться здесь, на

собрании всех вершителей судеб Заозерья. Возможно, чтобы объявить наследника и добиться, чтобы его поддержали остальные владельцы? Ведь законных потомков у барона нет, остался только бастард.

Конунг Магнус Альградский. Самый молодой из владетельных господ, всего-то тридцать два года. За последние лет пятнадцать конунгат сильно обеднел стараниями прежнего конунга, но Магнус с сестрой Ингрид всерьез взялись за восстановление родной земли. Она, кстати, тоже прибыла в Гнездовск на переговоры, и даже снизошла до корреспондента местной газеты – единственная из всего благородного собрания.

«Фрайин Ингрид Альградская любезно согласилась побеседовать...»

Что?!

С портрета, иллюстрирующего статью, на Виктора смотрела Верка-Хохотушка.

Виктор зажмурился, резонно подозревая галлюцинации из-за бессонной ночи, выпитого ведра кофе и мыслей о жертвах некроманта. Снова открыл глаза... Верка. Виктор неплохо ее запомнил и сейчас был готов поклясться: если Верку приодеть, сделать прическу с диадемой и научить держаться с достоинством благородной дамы, из нее можно сделать (увы, можно было сделать) двойника госпожи Ингрид.

Конечно, нужно дождаться мнения экспертов по обоим трупам, но таких совпадений не бывает. Некромант-самоучка зарезал двойника сестры владетельного конунга. А потом пошел резвиться по Гнездовску.

Вот черт, Виктор, что за дрянь ты сегодня надежурил?

Мечты о здоровом сне, пока эксперты пишут отчеты, накрылись медным тазом. Виктор аккуратно сложил газету и быстрым шагом двинулся к управе.

Городской морг располагался в пяти минутах ходьбы от управы, у кладбища. Небольшое желтое здание было очень по-гнездовски спрятано за сиренью и цветущими кустами жасмина. И не догадаешься, что тут находится, пока не прочитаешь небольшую табличку на двери.

Младший следователь взял из своего кабинета дело об убийстве Верки-Хохотушки (простите, Веры Ивонич, проявим уважение к покойной) и ждал в регистраторской морга, пока магичка и судмедэксперт вынесут свой вердикт.

Конечно, первым делом он сходу вломился в секционную, но работавшие над двумя телами Анна и мастер Николас с удивительным единодушием попросили его помолчать, не отвлекать, дожидаться результатов работы экспертов и не путаться под ногами.

Что поделать: следователь, без сомнения, руководит делом, но здесь эксперт – царь и бог. Правда, на вопрос: «Так Верку тоже некромант?» – Анна (видимо, сжалившись) все-таки утвердительно кивнула.

Прикрывая за собой дверь, Виктор услышал сварливый говорок мастера Николаса: «Что, Анька, осчастливила добра молодца? Смотри, Малыш у нас шустрый...»

Как ни хотелось узнать продолжение речи эксперта, подслушивать Виктор не стал. К делу это не относится, а из любопытства, как выражаются подследственные, «греть уши» – как-то низко.

Так что Виктор уселся на продавленный диванчик около стола равнодушного ко всему санитар-регистратора и углубился в чтение протоколов.

Итак, три дня назад, как водится, перед рассветом, пацаны ловили в Нестриже раков. Отошли от пристаней на плес неподалеку, разожгли костерок для приманки и очень радовались улову – раков было на удивление много, причем сытых, толстых и ленивых. Особенно большая куча шевелилась на мелководе, под свисавшими до самой воды ветками ракиты. Мальчишки быстро и аккуратно хватали добычу, пока один из них не увидел, что раки собрались не просто так...

Этот вопрос в деле не был упомянут, но Виктор цинично подозревал, что пацаны не сразу побежали рассказывать про обнаруженный в реке труп. Сначала все-

таки закончили с ловлей. Мертвецы мертвецами, особых ужасов под наплывшими водорослями не видно, а за десяток раков рыночные торговцы дают целый медяк, не спрашивая, чем рак обедал.

Стража, прибывшая на место, сначала проматерилась: очередное дело с мутными перспективами раскрытия никому не было нужно. То, что труп с распоротым животом все-таки всплыл из воды, – большая невезуха, обычно такие тела так и остаются на дне, на радость рыбам. Но опознали убитую быстро, и тут же выяснилось, что вчера Скользящий Вацек гонялся за ней с ножом и орал: «Зарежу стерву», – еле сбежала. Стражники вполне обоснованно решили, что позже он свою жертву все-таки догнал.

Ситуация кардинально изменилась – это было уже раскрытие. Вацек получил наручники и камеру, управа – плюсик в отчетность, а обнаружившие труп пацаны, которые из любопытства все время торчали неподалеку, – по большому свежему калачу от следователя Ждановича.

Виктор достал из папки протоколы допросов свидетелей и начал перечитывать убористые строчки, написанные наставником. Следователь фиксировал все дословно, за что Виктор был ему очень благодарен.

«Бил он ее, скотина. Смертным боем бил, коли монету не давала. С похмелья-то весь мир не мил, а тут баба перечит. А уж если пьяный был, так вдвойне... Потом каялся, клялся, что все хорошо будет, обещал жениться, увезти ее куда подальше, а Верка, дуреха, верила».

– Что ж ты молчала... – в который раз мысленно спросил Виктор у бедовой Верки. – Стыдно тебе, что ли, было? А вешать себе на шею этого мерзавца, синяки замазывать – не стыдно? Или – плохонький, да свой? Да что ж у тебя в голове-то творилось? Совсем себя не жалко?

«... Она уйти от Вацека хотела. Вообще завязать со всем этим. Страшно же, совсем бы убил. Эх. Он ведь и убил. Верка с монашками Спасскими сговорила, что ее в работный дом возьмут, вышивать. Она умела, вот, салфетку мне подарила. Эх, я б сама ушла, да куда, от детей-то. А Верка с силами собралась и решилась. Как раз в тот день с кем-то из Спасских говорила. Вроде не с монашкой, а из помощниц кто-то, кто – не знаю, да и какая разница? Сказала – все, собирается и завтра же уходит, последний раз отработает, клиентов

богатых ждали, жаль отказываться. А поутру ее нашли. И изверг этот как ни в чем небывало похмеляется! Жалко-то как Верку, она добрая была...»

«...Ну, вечером, вот перед тем, как Верка, значит, работать пошла, Вацек снова орал. Мол, куда тыне пойдешь, я тебя зарежу, да кому ты там нужна. Ну, много орал. Ножиком махал. Она еле удрала. Значит, она от него увернулась – и бежать, а он за ней, но упал. Он, значит, уже навеселе был. Думаю, кабы она за скарбом своим не вернулась, так жива была бы. Точно Вацек зарезал, больше некому. Зря вернулась».

«...Не убивал я ее! Не убивал! Орал, пугал, но пальцем не трогал! Я же ее любил! Она у меня такая была! Убил кто-то мою дорогую, а ты меня винишь, тебе проще всего, а я больной, мне уход нужен, кто ж теперь за мной ухаживать будет, раз Верки нет! Я дома спал, устал и спал, а ты лучше изверга того поймай! Не убивал я ее!!!»

Выходит, Вацек ее и правда не убивал. Что ни капельки не оправдывает остальных его мерзостей. Но это уже не относится к сфере деятельности стражи. А жаль. Виктор понимал: увидев Вацека, ему будет очень сложно сдержаться и не прибить гада к черту. А что? Вполне вариант. Эта плюгавая пьянь точно начнет орать и хамить, так что – за «оскорбление следователя при исполнении» можно будет и ребра пересчитать.

Но получается, что о помощи несчастная Верка все-таки попросила, хоть и не стражу. Ох уж эта нелюбовь жителей Веселого квартала к служителям закона! «Западло» им, видите ли, обращаться к «легалым».

ТЬФУ!

Хотя, конечно, в данном случае все вполне объяснимо. Одно дело – грубые мужики с дубинками и бляхами, другое – понимающие тетеньки в рясах. Усталой, измученной женщине проще говорить с монашками. Тем более что игуменья как раз для таких, как Верка, целый приют устроила.

Игуменья Евдокия вообще развернула очень серьезную благотворительную деятельность. Причем, на удивление, очень успешную. Приют, рабочий дом, больница, несколько богаделен и домов призрения сирот – в Гнездовском княжестве последние несколько лет о ней говорили не иначе, как о святой

Евдокии.

Судя по тому, какие чудеса творила энергичная настоятельница, – совершенно не зря ее объявили святой.

Протокола допроса монашки (или добровольной помощницы?), с которой Верка говорила в день перед смертью, Виктор не обнаружил. Поставил в блокноте отметку, что надо бы разыскать ее для полноты картины.

«...Изабелла, ой, простите, Верка, попрощаться пришла. Совсем ее этот тип замучил, она боялась, что убьет. И, конечно, отработать последний день, деньги никогда не лишние. Сами знаете, вчера бал был в княжеском замке, для владетельных. А секретари, охрана, слуги и прочие, кто с господами к нам в Гнездовск приехали, на всю ночь не у дел остались. Ясное дело, им одна дорога – к нам, в Веселый квартал. Да мы, пока высокородные господа у князя танцуют да переговоры свои важные ведут, просто озолотимся!

Вопрос: Что за клиенты у нее были?

Ответ: Да их тут целая компания заявила. Секретари, пажи, прочая обслуга, которые вроде и благородные, а вроде и не очень. На бал-то их не позвали. Важные пришли – просто жуть, а потом все как обычно, веселились. Вот им-то Изабелла, ой, Верка, особенно понравилась. Один так аж челюсть отвесил, и говорит: вот, ее хочу, а остальные вон пошли.

Вопрос: Можете назвать их имена?

Ответ: Да кто ж в борделях своими именами называется? И значков на них никаких не было. Отработала Верка, все, что причитается, забрала... Попрощалась со всеми. Хотела домой зайти, а поутру в монастырь отправиться. Вы ведь мерзавца этого повесите, правда?»

«Повесим, – мрачно обещал Виктор, убирая протоколы допросов в папку, – обязательно повесим. Вот только отыщем...»

А начинать поиски, похоже, придется в княжеском замке, где квартирует сейчас вся это пажеско-секретарская братия. И запросто может быть, что пострадала Верка за свое сходство с фрайин Ингрид Альградской.

Виктор замер. В азарте поиска зацепок в протоколах он не подумал об одной очень важной детали.

Княжеский замок. Владетельные господа. Когда-то был одним из них, а теперь... Бывший рыцарь, бывший наследник, ни кола, ни двора. Младший следователь, частенько экономящий на еде, чтобы дотянуть до жалованья.

Ты готов к такой встрече, Виктор? Готов нос к носу столкнуться со своим прошлым? Готов увидеть тех, с кем когда-то был ровней? Проводить опросы и собирать улики, поминутно натываясь на снисходительное любопытство?

Виктор потер лоб, постучал пальцами по папке и решительно кивнул сам себе.

Готов. Черт с ними. И не стоит зазнаваться: у владетельных господ своих проблем хватает, нужен ты им... Вряд ли кто-то вообще о тебе задумается.

Зато у тебя есть неоспоримое преимущество. В отличие от остальных сотрудников следственного ты хотя бы что-то понимаешь в этикете и не будешь выглядеть неотесанной деревенщиной.

И на том спасибо.

Виктор достал из папки чистый лист, поудобнее устроился на диванчике и начал писать план расследования.

Примерно через час дверь в секционную со скрипом открылась, и в регистраторскую вышли эксперты. Мастер Николас с ироничным поклоном: «Дамы – вперед», – пропустил Анну в комнатку с умывальником.

Виктор встал и вопросительно посмотрел на него.

– Не майся, Малыш, – сказал мастер Николас. – Да, убивали их одинаково, и одним и тем же ножиком, это я тебе могу сказать с полной уверенностью. Дамочку рыбки и раки качественно объели, пришлось повозиться. А я-то, старый валенок, на нее в первый раз только одним глазом глянул, да стажеру поручил – дело ж было ясное. Извини, что сразу сам не занялся.

Виктор благодарно кивнул. Мало кто уважает себя и свое дело настолько, что способен просто сказать: извини, не доглядел. Обычно придумывают массу оправданий.

Но мастер Николас был профессионалом высочайшего класса и мог себе позволить признать ошибку. За это, в числе прочего, его в управе очень уважали.

Анна вышла, и мастер Николас тоже отправился отмываться.

– Со своей стороны могу подтвердить выводы мастера Николаса, – сказала она. Сквозь плеск воды из-за двери донесся ехидный смешок эксперта. – Убийца один и тот же. И, повторюсь, скоро он убьет еще кого-нибудь.

– Спасибо, – задумчиво протянул Виктор.

– Ну что, пойдемте к шефу? – буднично поинтересовалась магичка.

Виктор чуть было не ляпнул хамское: «А вы-то там зачем?» – но проглотил фразу на звуке «А».

Зачем? Затем. «Расследование особо тяжкого преступления (убийство двух и более человек) с использованием магии требует непосредственного участия мага-эксперта». Недавние предписания, куда деваться.

– Что, Малыш, нарвался? – похлопал его по плечу только что подошедший мастер Николас. – Не кривись. Анька хоть и маг – но маг более-менее приличный. Я ж ее во-о-о-т такусенькой помню, на коленках качал, учил различать косточки... Ну-ка, Анютка, назови все кости черепа?

– Дядя Ник, – с очень знакомой Виктору интонацией вздохнула магичка, – хватит уже.

По дороге к управе Виктор в двух словах пересказал Анне скудные материалы дела. Шли они медленно, закончил он примерно на половине пути. Анна вопросов по делу не задавала, так что, чтобы разбавить молчание, Виктор вежливо спросил:

– Так вы с детства знаете мастера Николаса?

– Практически с рождения, – грустно вздохнула она. – Дядя Ник – мамин учитель. Это сейчас он ехидный судмедэксперт, а был лучшим хирургом Гнездовска, к нему со всей округи стремились попасть. Потом сложный перелом запястья... и все. Оперировать больше не смог, рука дрожала. Как он выдержал – не знаю. – Она покачала головой. – Мама, когда у него больных принимала, говорила, что он каждого от сердца отрывал. Видно, что душу на части рвет – а сам шутит, что в экспертизу работать пошел, чтоб вдоволь порезвиться скальпелем. Теперь вот над вами, следователями, измывается, – уже гораздо веселее закончила она.

Виктор покачал головой. У всех свои скелеты в шкафу.

– ... была бы уже у нас, в Спасском.

Виктор понял, что прослушал начало фразы магички. Вот черт, как же после суток без сна сложно сосредоточиться!

– Простите, что вы сказали? – виновато переспросил он.

– Вера. Если бы не маньяк – она была бы уже у нас в Спасском монастыре.

– У вас?

Виктор не понимал, как монастырь может быть «у нас» для мага. Ведь на святой земле магия не работает, это даже дети знают!

– Ну да, – не заметила его удивления Анна. – Я ведь в страже по контракту, к тому же совсем недавно. А моя основная работа – доктор в монастырской благотворительной больнице. Она не в самом монастыре расположена, а здесь, в городе, так что никаких проблем для магической медицины. Еще я часто на выезде практикую.

– Так. Стоп. Рассказывайте по порядку, как вы с потерпевшей познакомились, о чем говорили, когда виделись в последний раз?

Анна слегка задумалась, видимо, вспоминая подробности.

– Я довольно часто работаю в Веселом квартале. Травмы у циркачей случаются регулярно... Неделю назад Вера подошла ко мне, спросила, как можно устроиться в Спасский работный дом. Мы поговорили, и я отвела ее к игуменье Евдокии.

Виктор был уверен, что маги и служители Бога друг друга, по меньшей мере, недолюбливают. Слишком разные, хм... сферы деятельности. Противоположные по сути. Но в словах Анны звучали неподдельные уважение и восхищение игуменьей. Получается, магичка может вот так легко, в любой момент прийти к монастырской настоятельнице? К святой? Да еще и избитую любовником проститутку привести?

Чудны дела Твои, Господи...

– Мать Евдокия с Верой поговорила, – продолжила Анна, – благословила и наказала явиться, как та будет готова. В день перед убийством мы с Верой еще раз это обсудили. – Анна закашлялась и прикрыла рот рукой. Когда кашель прошел, она спокойно поставила точку в своем рассказе: – Вот и все.

Не все! – отчетливо понял Виктор. Магичка о чем-то молчит, о чем-то важном, но не «колоть» же эксперта, как подозреваемого!

– Сударыня, вы о чем-то умолчали, – осторожно «попробовал лед» Виктор.

– У меня был очень тяжелый пациент той ночью, – отрезала Анна. – Но к делу это не относится.

«Абзац, господин младший следователь, – вздохнул про себя Виктор. – Больше ты от нее сейчас ничего не добьешься... Вот зараза! Но еще не вечер».

Глава 5

Шеф сидел за столом, читал какие-то бумаги и делал быстрые пометки. Увидев магичку, он встал, вежливо поклонился и предложил даме стул у громадного стола для совещаний. Виктору он просто кивнул.

Шефа следственного управления за глаза прозвали Горностаем. Может быть, за невысокий рост, удобу и резкие, быстрые движения. Может быть – за абсолютную безжалостность к подследственным, подчиненным и самому себе, если того требовали интересы дела. Может быть – за сомнительное происхождение. Некоторые говорили «Лысый Горностай», намекая на проявляющуюся плешь пятидесятилетнего начальника. Или желая сказать хоть какую-нибудь гадость о легенде Гнездовского сыска.

Его головокружительная карьера, не подкрепленная ни влиятельной родней, ни богатством, стала источником зависти, сплетен и пересудов.

Василий Федорович, по его словам, был самого простого происхождения, сын ремесленника. Никаких подробностей о его жизни до прихода в стражу сплетники не знали. Что, естественно, порождало еще больше слухов.

Кто-то говорил, что в детстве он был главарем банды малолетних бандитов, на спор пошел работать в стражу и прижился. Была версия, что он приговорен к виселице в Рогене, но сумел сбежать. Еще ходили слухи о рутенской пограничной охране... И это – не считая совсем уж фантастических предположений, вроде того, что Силин – внебрачный сын прежнего князя Гнездовского.

Шеф на все эти сплетни усмехался, но деталей биографии не раскрывал. Что было известно доподлинно – начинал Василий Федорович простым городовым. Помог раскрытию нескольких серьезных дел, получил направление в учебку, стал следователем. А дальше блестящей работой заслужил немалый иконостас

орденов и повышение до главы всего гнездовского следствия.

В отличие от многих, Силин с возрастом не погрузнел от кабинетной работы. Невысокий, быстрый, с тонкими чертами лица, он действительно чем-то напоминал небольшого хищного зверька. Виктор втайне мечтал повторить его путь. Впрочем, кто ж о таком не мечтает?

«Ты не представляешь, как нам повезло, – сказал как-то Виктору наставник. – Шеф, который прежде всего радуется за успех дела, а не за свои награды, регалии, власть и пенсию, – огромная редкость. Как бы не переманили Силина какие-нибудь княжеские особисты... А на сплетни наплюй. Какая разница, откуда счастье привалило?»

Виктор боялся, что шеф сейчас у него оба дела отберет. Некромант, да еще высшее общество – точно не компетенция младшего следователя, здесь должен работать либо кто-то из старших, либо вообще княжеская безопасность.

Но так просто сдаваться Виктор не собирался. Это же такая возможность! Карьера не делается на расследовании ограблений винных лавок. Зато на таком деле, если не быть идиотом, вполне можно получить повышение. Виктор собирался настаивать, как минимум, на своем участии в дальнейшем следствии.

– Ну, что у вас? – спросил шеф.

Под острым взглядом начальства Виктор растерял все мысли и вместо заготовленной речи с ходу заявил:

– Ингрид Альградская – вероятно, следующая жертва серийного убийцы-некрманта.

– О как! – Василий Федорович недоуменно приподнял брови. – Ты, случайно, бульварным газеткам заголовки не пишешь? Завлекательно бы получилось... Ладно, не вskipай. Этот великолепный вывод ты сделал, потому что?..

– Два убийства за три дня. По заключению эксперта, – Виктор кивнул на Анну, – оба совершены одним и тем же способом. С применением некромантии. Первая жертва – двойник госпожи Ингрид.

– Убийца – дилетант, но, несомненно, черный маг, – подтвердила Анна слова Виктора.

– Не было печали, да князь созвал гостей... – пробормотал Василий Федорович, вчитываясь в материалы дела.

Дойдя до плана расследования, шеф слегка усмехнулся.

– То есть ты, Виктор, хочешь вот прямо сегодня кинуться опрашивать сестру владетельного конунга Альграда? – вкрадчиво поинтересовался он, смерив взглядом младшего следователя с ног до головы. – Просто взять, прийти в княжеский замок и задать вопросы свидетелю?

От его тихого голоса Виктора слегка передернуло. Да уж, теперь понятно, как шеф подследственных раскалывает... Надо бы самому так научиться.

Младший следователь ожидал этого вопроса. Смушение как ветром сдуло. Нужно было гнуть свою линию.

– Так точно, шеф. С экспертом в качестве напарника.

И говорить нужно не только с фрайин Ингрид. Необходимо выяснить, кто из пажей был в ночь убийства в борделе: они – первый круг подозреваемых.

Анна (вот спасибо!) негромко, но веско добавила:

– Полностью поддерживаю этот план. Чем быстрее мы начнем задавать вопросы – тем лучше. И охрану бы фрайин Ингрид организовать, она все-таки вероятная жертва.

Шеф встал из-за стола, крутанул в пальцах нож для бумаги и прошелся по кабинету пружинящим, танцующим шагом. Изобразил придворный поклон –

довольно сносно, но Виктор умел лучше.

Потом подошел к Виктору и оперся на стол рядом с ним.

– Ну, положим, охрана у фрайин своя, и покруче нашей, – так же тихо продолжил Василий Федорович. – В том числе и поэтому добраться до благородной госпожи будет сложно. Но можно. Вопрос в другом. Если по княжескому замку начнет шататься стража и задавать вопросы подручным благородных господ, причина всплывет мгновенно, и получится большой скандал. Черт бы с ним, но работать не дадут. А передавать дело безопасникам мы не будем. – Шеф улыбнулся уголками губ. – Да, и про инквизиторов забудь, этих костоломов к высшему обществу пускать нельзя, наворотят дел – не разгребем.

У Виктора отлегло от сердца. Значит, шеф не планирует избавиться от расследования, передав его госбезопасности княжества. Что ж, о контрах стражи и безопасности, а точнее – Силина и протектора Гнездовского, Яна Олешковского, были в курсе даже служебные собаки. Шансы остаться в деле возрастают.

– Впрочем, рано радуешься, – ухмыльнулся шеф, глянув на Виктора. И продолжил уже нормальным голосом: – Вы хоть представляете, дорогие подчиненные, в какую дрянь влипли?

– Я представляю... наверное, – на всякий случай уточнил Виктор.

Анна на вопрос шефа усмехнулась с таким сарказмом, что стало ясно: это не просто «да», это «и не такое видали».

– Ни черта вы не представляете, – подвел итог шеф. – Ваша проблема тут – не спятивший некромант, будь он неладен. Вашей проблемой станут владетельные господа, князья с герцогами, а это куда хуже. Паучья банка с дерьмом, и все – с дипломатическим иммунитетом. Хорошо, если эти самые пажи, а тем более госпожа Альградская вообще захотят с вами разговаривать. И это полбеды. Убийца может быть случайным горожанином, начитавшимся светской хроники в газетах и влюбившимся в блестящую даму до одури. Или вообще не знать об ее существовании, просто резать кого попало. Но может быть и кем-то из приближенных, у вас там скоро и списочек появится. И придется вам их разрабатывать со всем возможным тактом, иначе дерьмо из паучьей банки

зальет все вокруг. Тогда князь Гнездовский снимет стружку с городского головы, тот накрутит хвост полицмейстеру, а потом и до нас с вами дойдет, по цепочке инстанций. Вам, Анна, в худшем случае пальчиком погрозят – маги люди ценные. А ты, господин младший следователь, влипнешь по полной. Осознаешь счастливые перспективы? Уже присмотрел сельский округ с парой хуторов, сотней свиней и десятком хитрых алкоголиков? Для комфортного продолжения карьеры в качестве околоточного надзирателя?

– Расследовать-то надо, – пожал плечами Виктор.

– Идеально точно подмечено. Кристально мыслят у меня следователи...

Шеф оттолкнулся от стола, упал в свое кресло и снова начал задумчиво крутить нож.

– Ну что, – тоном ниже продолжил шеф, – достаточно я вас напугал?

– Ага, – с тем же сарказмом ответила магичка, – меня – так до истерики. Буду со всеми обращаться как с хрустальными вазами.

Виктор молча ждал продолжения.

Шеф кивнул и пристукнул ладонью по столу.

– Все, пролог закончен. Работаем. Виктор, ты ведь ФОН Берген? Князь Бельский? Имперский дворянин, судя по всему? – внезапно поинтересовался шеф.

– Да. И прекрасно знаю придворный этикет. Так что вполне могу заняться опросом свидетелей любого ранга.

Виктор внутренне подобрался. Похоже, он остается в расследовании. А там уж он постарается, чтобы хуторские алкоголики поскучали без околоточного Бергена.

– Так что ж ты не в имперской армии или Дворянском собрании, а в гнездовской страже?

– Поддержал не того принца, – коротко ответил Виктор. Вдаваться в подробности он не собирался.

Прозвучало все равно слишком напыщенно. Кто тебя, вчерашнего курсанта, спрашивал? Был крик: «Мятеж!» – и грохот подков по мостовой Гетенхельма. Вы хранили верность присяге, а что было потом...

– Понятно. Сочувствую, – кивнул шеф. – Извини, но это важно. Твоя семья ведь была далеко не последней в Империи?

– Железная книга родов, – просто ответил Виктор.

Слова Виктора прозвучали как-то особенно гулко. Он почти наяву почувствовал, как за спиной встают предки – рыцари прошлого. Шелест знамен, звон латных перчаток о рукояти мечей... Кажется, основатель рода, Сергей Бельский, ближайший сподвижник Мстислава Великого, даже похлопал потомка по плечу.

Но наваждение схлынуло. Остался кабинет шефа, начальник, магичка и он – просто младший следователь. Никаких рыцарей.

Кончились рыцари.

– Ага, – удовлетворенно протянул шеф, – дороже золота корон нам сталь мечей, зовущих к битве... Железная книга – высшие фамилии Империи. Значит, по происхождению ты госпоже Альградской ничем уступаешь?

– Будь я все еще наследником Бергена, запросто мог бы посвататься, – кивнул Виктор. – Предлагаете воспользоваться родословной и напроситься в замок на банкет? Боюсь, толку не будет. Бывших владетельных баронов никто не рад видеть. Хотя у меня там наверняка найдется немало родственников. Седьмой воды на киселе.

– Насколько я знаю, – очень аккуратно продолжил шеф, – довольно много имперцев-эмигрантов, поддержавших «не того» принца, теперь на неплохих должностях при князе, герцоге Кошица и других владетельных?

– Некоторые сумели вывезти какие-то ценности и хорошо устроились. Кто-то воспользовался семейными связями...

«А ты?» – молча наклонил голову шеф.

«А я не пошел побираться по дальней родне», – мотнул головой Виктор.

Горноста́й еще немного помолчал, крутя в пальцах все тот же нож для бумаги. Потом одним точным движением закинул его, почти через весь стол, в каменный стакан с перьями.

– В общем, так, господин младший следователь...

Виктор выпрямился на стуле. Вытягиваться по стойке «смирно» было бы перебором.

– Я планировал тебя повесить к концу месяца, но обстоятельства складываются так, что должность следователя ты получаешь с сегодняшнего дня. Для солидности при ведении этого дела.

– Рад служить, ваша бдительность! – подскочил Виктор.

– Сядь. Нашивки получишь в канцелярии. И на этом хорошие новости для тебя на данный момент заканчиваются. Теперь о магии... Госпожа Мальцева?

– Да, шеф? – отозвалась магичка.

– Справитесь со спятившим коллегой?

– Он мне не коллега. Я – маг с серьезным образованием, а этот... просто псих с зачатками способностей. – Магичку, кажется, сравнение всерьез задело.

– Да что ж вы все такие нервные? – посетовал шеф и продолжил, как будто уговаривая: – Анна, постарайтесь объективно оценить свои силы. Вам придется работать против некроманта. Среди людей вас исчезающе мало. Вы готовы поступить с убийцей по закону или пожалеете и попытаете наставить на путь истинный? Я верю рекомендации матери Евдокии, но хочу услышать ответ от

вас.

Анна густо покраснела. Ее пальцы выстукивали по столу замысловатую дробь. В тишине кабинета остался только этот стук. Мерный, монотонный, тяжелый... Напряжение, повисшее в воздухе, казалось Виктору густым киселем. Спустя примерно полминуты Анна вскинула глаза на шефа, и они с Горностаем еще несколько долгих секунд смотрели друг другу в глаза, в упор, как бойцы перед схваткой. Или как коты перед дракой. Только дурного мява не хватало.

– Шеф, – медленно проговорила Анна, – я только ради этого и пошла в стражу. Не готова обещать вам арест – честно скажу, могу и упокоить ублюдка при задержании. Но уж точно не разведу сопли и сантименты.

– Вот и замечательно, – светло улыбнулся шеф. – Виктор, тебе нужно быть в курсе, – деловым тоном продолжил он, как будто обсуждая рутинные процедуры: – Госпожа Мальцева у нас уникал. Обычно у магов по одной специализации, а у нее – сразу две. Ментальный маг и некромант. И вылечит, и мозги запудрит, и упокоит, и поднимет потом, если надо будет. Ясное дело, информация секретная, ну да ты у нас, к счастью, не любитель сплетничать.

– Так получилось, – мрачно хохотнула магичка, с вызовом обернувшись к Виктору, – скрестились во мне силы жизни и смерти, такая вот поэтичная история.

Виктор перекрестился. Возникшая было симпатия к Анне (а если ее умело накрасить да приодеть – очень ничего девица получится!) сильно пошатнулась.

Некромант. Черный маг. Любительница вкусно поесть... «с тонким острым лезвием».

Вот тебе и специалист по лечению прыщей, вхожий к святой Евдокии. Чудны дела Твои, Господи...

«Профессионал добыл бы намного больше энергии» – так, кажется, магичка говорила про труп сторожа? Значит, Анна – профессионал. Точно знает как – и умеет! – добывать энергию из чужой боли. Убийца с дипломом. Его напарник в этом деле.

Или вероятный подозреваемый? Эксперт, рекомендованный местной святой? Вряд ли, но будем присматривать. Очень пристально будем присматривать за таким напарником!

– Работать вам вместе, – говорил тем временем шеф, – так что не ссорьтесь. Сейчас дуйте за словесными портретами клиентов Верки в Веселый квартал, а завтра с утра поедете в княжеский замок. Чтобы соблюсти видимость приличий и никого не напугать раньше времени, ты, Виктор, в замке изобразишь бедного родственника. – Шеф, покопавшись в ящике стола, кинул Виктору визитку. – Вот тебе адрес портного. Скажешь, что от меня. И что тебе нужно сделать костюм в стиле «скромненько, но чистенько». Приглашение в замок я организую.

– Есть. – Виктора слегка покоробили слова шефа, но тот был прав: не в мундире же следователя являться к благородной госпоже... Хотя почему нет?

Ладно, шефу виднее.

– Анна? У вас ведь проблем не возникнет? Магам у нас везде рады. В чем к князю прийти – найдете?

– Предлагаете в мантию вырядиться? Ритуальную маску нацепить прикажете?

Шеф только махнул рукой.

– К семи вечера оба ко мне за дополнительными инструкциями. Свободны.

В приемной перед кабинетом шефа Анна и Виктор слегка замялись. Придется работать вместе, но... Маг-некромант и бывший гетский рыцарь. Хуже был бы только монах из ордена Святого Якова, специалист по уничтожению нечисти.

– Я могу надеяться, что вы не обольете меня святой водой с воплями «Изыди, сатана!»? – устало, но с вызовом спросила Анна.

– А я могу надеяться, что вы не превратите меня в жабу, крича «Уйди, противный!»? – поинтересовался Виктор.

Что собиралась ответить магичка, так и осталось неизвестным. Скорее всего, указать Виктору на пробелы в образовании: некроманты никого не превращают, не тот профиль.

Но их прервали. В приемную впорхнула секретарша шефа Светочка, юная красотка с идеальным почерком и прекрасной памятью. Она писала постановления для суда, регистрировала дела, вела архив и регулярно крутила романы – с кем угодно, кроме сотрудников управы. Даже самые преданные ее поклонники давно смирились со Светочкиной принципиальностью. Правда, нашелся один раз дурак, который решил, что он лучше всех. Шеф устранил проблему в полминуты, и нахального стажера, баюкающего правую кисть, здесь больше никогда не видели.

Сейчас, видимо, в разгаре был очередной роман: Светочка прижимала к груди огромный букет разноцветных хризантем.

– Анька! – радостно воскликнула секретарша, увидев магичку. – А я тебя искать собиралась! Ты не поверишь, у меня такое!

Анна примирительно посмотрела на Виктора.

– Вы дадите нам пятнадцать минут? Сейчас только полдень, нам хватит времени на все допросы.

«Всего полдень? – удивился про себя Виктор. – Кажется, весь день прошел. Но нет, все правильно. Место убийства осматривали до шести утра, в полвосьмого эксперты начали работать над двумя телами, закончили они около половины одиннадцатого... Вот черт, а поспать мне сегодня снова не светит».

– Вить, ну пожалуйста! – жалобно попросила Светочка. – Не сбегут ваши злодеи, пока мы тут чуть-чуть посплетничаем!

Виктор вежливо поклонился обеим и вышел. Его снова догоняла усталость после суток без сна. А ведь еще допросы проводить... Нужно выпить кофе и хотя бы недолго посидеть в тишине. Иначе толку от следователя (уже не младшего!) будет как от козла молока.

Сообщить шефу о том, что он валится с ног, Виктору в голову не пришло. Горноста́й в лучшем случае просто посмеется. В худшем – разочаруется и заберет дело вместе с новой должностью.

Так что заливайся кофеем, следак, и радуйся нечаянной передышке.

Виктор спустился на первый этаж, в дежурку.

– О, господин Берген! – приветствовал его недавно заступивший сержант. Виктору показалось, что он еле-еле сдерживает хохот. – А к вам тут посетитель... Посетители. Свидетели по ночному убийству. Только я их сюда не пустил, на улице ждут. Сами увидите, – уже не скрываясь, хихикнул он.

Выяснять причины веселья Виктор не стал. Кивнул и вышел на крыльцо.

Неподалеку от входа рядом с чахлой клумбой мялся давешний сменщик покойного сторожа.

На клумбе лежал комок грязной рыжей шерсти солидного размера. Из кучи меха тянулась измочаленная веревка, ее конец сторож держал в руке. Громадная тварь подмяла под себя почти все цветы, только какой-то очень везучий темно-синий бутон торчал рядом с ухом.

Глаза были закрыты, но морда слегка подергивалась: зверюге явно что-то снилось.

Виктор шагнул в их сторону. Сторож радостно подался ему навстречу, веревка натянулась, и улицу огласил жуткий визг. Тварь подпрыгнула, дернулась, сторож чуть не полетел с ног, но собаку удержал.

– Вы, господин, давеча велели Рыжего привести, как появится. Ну вот, я привел. Забирайте. – Сторож протянул Виктору конец веревки.

Следователь слегка опешил.

– В смысле – забирайте? – строго спросил Виктор. – Это же ваша сторожевая собака. Как осмотр проведем, верну. Нам еще надо протокол изъятия улики оформить, так что пойдете-ка в управу.

– Не, не пойду я, у вас там сержант злющий, – замотал головой сторож. – Да и зачем идти-то? Рыжий теперь ничей, хозяин склад закрыл и всех уволил, гад. – Мужик зло сплюнул на тротуар. – Говорит, скобянка нынче дело неприбыльное, гетские петли-гвозди, мол, с рынка местных, тьфу, вытесняют. За копейку давиться не надо, так и не вытеснят! А он, выжига... – Сторож сделал непристойный жест в сторону складов. – Так что это, вот, забирайте. Да и толку от него уже никакого, напужалась псина, на каждый чих визжит. Какой он теперь сторож. А вам, вон, улику надо. Вот вам улика. А я пойду, работу искать. Чтоб хозяину бывшему, козлине, икнулось, и все его железяки ржа поела.

Сторож впихнул Виктору в руку конец веревки и, ссутулившись, побрел по улице в сторону речного порта.

Псина, выбравшаяся из клумбы, оказалась не такой уж огромной, просто очень лохматой дворнягой. Стоя, он доставал головой Виктору примерно до середины бедра. На собачьей морде было много седых волос. Двигался пес неуверенно, часто вздрагивал. Сторожа он проводил тоскливым взглядом, но не попытался пойти следом, как будто все понял.

Виктор присел на корточки и погладил зверя между ушей. Пес неуверенно мотнул хвостом.

– Э, приятель, да ты седой, – успокаивающе приговаривал Виктор, продолжая гладить собаку, – ты старенький уже, но молодец, вернулся, хоть тебя и напугали. Хороший пес, хороший... И совсем ты не злющий, ты умница...

Рыжий завилял хвостом и ткнулся носом в грудь Виктору.

– Ну и что с тобой делать теперь, а? Ты же важная улика, тебя к делу приобщать надо, бумажки писать и инвентарный номер присваивать... А в хранилище тебя не сдашь, тебе бы колбаски... Хороший пес, молодец... Ладно, пойдём. Начнём с колбасы.

Пес одобрительно засопел и покорно пошел за Виктором в управу.

Виктор выдал курьеру, скучавшему в дежурке, несколько медяков и велел бежать на рынок за колбасными обрезками или требухой. Курьер на Рыжего посмотрел с опаской, протиснулся мимо сержанта и через несколько минут вернулся со свертком кусочков колбас, ветчины, шкурок от окороков и прочих не имевших товарного вида вкусностей. Мясники обрезки продают недорого, небогатый народ расхватывает этот товар на лету, так что курьеру сильно повезло.

Виктор частенько покупал похожие свертки, когда до жалования оставалось несколько дней, а денег было совсем немного. Если эту колбасу пожарить с капустой или яйцом, получалась вполне пристойная еда.

Сейчас Виктор с трудом сдержал желание вытащить из свертка немаленький обрезок грудинки с веревочкой, за которую ее подвешивали в копильне, и съесть самому.

Рыжий потянул носом и жалобно посмотрел на Виктора. Получив кусочек, мгновенно сжевал и посмотрел снова.

– Господин следователь, вы бы налаживали контакт со свидетелем где-нибудь в другом месте, а? – осторожно попросил Виктора сержант. – А то свидетель ваш, простите, воняет псиной. Посетители вон жмутся, опасаются к дежурке подойти, пока тут эта тварь сидит.

Рыжий зевнул в сторону сержанта, продемонстрировав нехилые зубищи.

– Пойдем, свидетель, – сказал собаке Виктор, сложив сверток в карман мундира, – нас тут не любят.

Пес с тоской проводил глазами колбасу и послушно пошел следом за Виктором, цокая когтями по плиткам пола.

Рядом с управой работала кофейня, исправно снабжавшая следователей крепким кофе, булочками и блинчиками. Виктор взял пару кружек и устроился на скамейке – ждать, пока эксперт насплетничается. Веры в «пятнадцать минут» у следователя не было никакой. Он собирался допить кофе и сгонять курьера за

магичкой.

Но сначала хоть капельку отдохнуть.

Пес вел себя нервно. Пугался любых громких звуков, жался к ногам и явно хотел куда-нибудь спрятаться. Прихлебывая кофе, Виктор принялся скормливать Рыжему остатки колбасных обрезков. Тот самый кусок грудинки с веревочкой следовательно, воровато оглянувшись, слопал сам. Внезапно Рыжий напрягся, как-то по-щенячьи запищал и рванулся в сторону. Виктор еле успел поставить кружку, поймать веревку и кое-как его удержать. Пес дергался, рычал, выл и пытался унести куда подальше. Виктор краем глаза заметил приближавшуюся к ним Анну, но, хватая рвущуюся и почти плачущую собаку, поприветствовать эксперта должным образом не мог.

«Надо же, и правда – пятнадцать минут», – мельком удивился про себя Виктор, заметив время на часах ратуши через площадь от управы.

Анна ускорила шаг. Виктор наконец-то сумел крепко взяться за ошейник, посмотрел на магичку, и ему показалось, что Анна как-то неуловимо меняется. Холодная, слегка жутковатая, но чем-то очень довольная дама становилась доброй и милой. От этого изменения Виктору снова стало не по себе.

Анна с ходу встала на колени перед псом, взяла его за морду обеими руками и пристально посмотрела в собачьи глаза. Рыжий больше никуда не рвался, только пискнул и обмяк. Магичка аккуратно придержала мгновенно заснувшую собаку и уложила его на землю.

– Вы решили завести домашнего любимца? – с улыбкой поинтересовалась она, отряхивая платье. – Любопытный выбор.

В другой момент Виктор, по въевшейся в управе привычке, ответил бы на такую подколку ехидной шуточкой. Но сейчас, наоборот, он почувствовал желание рассказать Анне о тяжелой судьбе Рыжего и посоветоваться, что с ним делать дальше.

«Во дает девка! – изумленно подумал он. – Некромант, мучитель-профи, а как умеет втираться в доверие! И Светочка с ней дружит... Нет уж. Надо работать – будем работать. А болтает пусть с кем-нибудь другим».

– Сударыня, – вежливо поклонился Виктор, – прежде всего – спасибо за помощь. Собака так напугана, что шарахается от каждого куста. И я прошу вас о содействии в допросе свидетеля.

– Его? – кивнула Анна на пса.

– Да, его. Пес, скорее всего, был рядом со сторожем в момент нападения. Вы сможете разобраться, что он видел?

Рыжий всхрапнул и перевернулся на бок, тяжело дыша.

– Натерпелся, бедолага, – сочувственно проговорила Анна. – Я могу попытаться. Но собачья память намного короче человеческой и восприятие мира совсем иное, так что я бы не стала рассчитывать на серьезные результаты. Вот когда у нас будет подозреваемый, можно попробовать провести опознание по запаху. Но вряд ли что-то дельное получится.

– Необходимо попробовать.

– Сделаю, что смогу. Отдайте его пока хозяину, пусть собака поспит и успокоится. А вечером приводите.

– Это вторая проблема, госпожа Мальцева. Хозяина у него теперь нет. Сторожа убили, склад закрыт, и пес оказался никому не нужен.

– М-да, – протянула Анна. – Есть идеи, куда его девать?

Это было серьезной проблемой. В управу не пристроить. У дежурного сержанта своих дел хватает, а в вольере служебные псины могут и порвать старика. Да и не возьмут «собачники» к себе какую-то дворнягу. В хранилище улик? И заставить смотрителя выгуливать? Ага, два раза. Смотритель устроит жуткий скандал, потребует предписание, завизированное шефом... В итоге потеряем массу времени, а оно сейчас дороже всего.

Похоже, вариантов немного.

– Сударыня, – поинтересовался Виктор, – вы сможете сделать так, чтобы пес вел себя тихо и прилично?

– Запросто. Хотите взять его с собой на допросы? – удивилась магичка. – Прекрасный план, одобряю. И я это говорю без тени сарказма.

Она погладила спящую собаку. Рыжий открыл глаза, но взгляд остался мутным, не проснувшись.

Анна пристально посмотрела на Виктора снизу вверх.

– Господин Берген, а вы когда последний раз спали?

Следователь промычал что-то среднее между «я в порядке» и «какая разница?».

– Так, ясно. Уважаемый, вы рискуете свалиться прямо посередине следственных действий. А у нас с вами еще масса дел на сегодня. Вы позволите? – Она протянула ему руку, как будто для рукопожатия, и Виктор, не задумываясь, взял ее тонкую ладонь.

Рука Анны оказалась на удивление мягкой и теплой.

Что ж ты творишь? Идешь на поводу у некроманта? Но не отпрыгивать же теперь...

Он почувствовал покалывание в пальцах, в глазах на пару секунд потемнело... Почти мгновенно все прояснилось.

Теперь он чувствовал себя намного лучше. Да что там – прекрасно себя чувствовал! Как будто в кои-то веки выпался от души, плотно поел и теперь сидит на солнышке с кружкой кофе.

«Матерь Божья... – пронеслось в голове у Виктора. – Это что было? Черная магия? Ментал? Черт лысый в образе белобрысой сплетницы? – И, завершая внутренние метания, пришла единственно верная мысль: – Да какая разница, если для пользы дела?»

– Как вам наверняка известно, я по контракту должна оказывать следствию всяческое содействие, – устало усмехнулась магичка. – Этой энергии вам хватит до вечера. Но сегодня обязательно выпитесь, не издевайтесь над организмом. Вы, конечно, очень молоды – но все равно не стоит.

– Спасибо, – только и смог проговорить изумленный Виктор. – Вы ведь не обязаны...

– Конечно, не обязана. Но мне очень хочется посмотреть в мерзкие глазенки нашего некроманта-недоучки. Так что – вперед, пойдемте ловить гада.

Повинуясь безмолвному приказу магички, пес встал и потрусил следом за ней. Разлохмаченный поводок волочился по земле.

Виктор с сомнением покачал головой, в два шага до гнал их и подхватил веревку.

Магия – это, конечно, очень удобно. Но все-таки жутковато.

Глава 6

Монументальная мадам Илона (Нездецкая Лариса Иннокентьевна, происхождение крестьянское, содержит бордель тринадцать лет – машинально вспомнил Виктор строчки досье) от почтительной радости при виде магички чуть не выпрыгивала из своего роскошного декольте.

– Анна Георгиевна! А мы вас не ждали так рано! Проходите-проходите!

Виктор удивленно кашлянул.

– И вам здравствуйте, господин следователь, – чуть менее радушно поздоровалась мадам, сделав какое-то подобие книксена. – Всегда рады доблестным служителям порядка...

На псину она покосилась с сомнением, но никак не прокомментировала. Надо мистрис Анне лохматую рыжую дворнягу с собой таскать – значит, надо.

– Добрый день, Илона, – кивнула магичка, – мы по другому делу. Где можно поговорить?

Виктор и Анна прошли через аляповатый, старательно отделанный в стиле «дорого-богато» приемный зал для посетителей борделя и оказались в небольшом, страшно захламленном кабинете мадам. Хозяйка суетилась, освобождая кресло от вороха ярких тряпок. Из них выпала продолговатая штука с ремешками, мадам бросила на Виктора хитрый взгляд, подхватила сомнительный предмет и сунула куда-то вглубь шкафа.

Виктор чуть было не спросил, что это, но вспомнил коллекцию похабных картинок, изъятую у одного барыги. Поздравил себя с тем, что не начал проявлять любопытство – а то Илона ведь объяснила бы, во всех подробностях... Ну и на кой такое счастье?

От нечаянного каламбура Виктор фыркнул.

Анна уселась в кресло. Рыжий лег на пол рядом с ней, она погладила собаку между ушей, и пес снова мгновенно заснул.

– Так чем могу быть полезна страже? – радушно поинтересовалась Илона. Похоже, она и у клиентов так же спрашивает: «Как бы вы хотели развлечься сегодня? Специальные приспособления нужны?»

– Три дня назад, в ночь убийства Веры Ивонич, у вас были посетители, – начал Виктор официальным тоном, чтобы перебить свое дурацкое желание нелепо острить. – Нам нужно знать, кто они.

– Так ведь у нас никто своими именами не называется, да мы и не спрашиваем никогда! У нас солидное заведение! – Мадам не на шутку встревожилась, и торжественно проговорила явно заученную фразу: – Конфиденциальность превыше всего!

– Ни секунды не сомневаюсь, но информация нам необходима, – жестко отрезал Виктор. – Может быть, в участке у вас и ваших... сотрудниц память прояснится? Могу устроить прямо сейчас, посидите до выяснения обстоятельств.

Виктору эти препирательства, случающиеся почти с каждым свидетелем, надоели хуже горькой редьки. Диалог: «Не скажу!» – «А в участке?», или: «А в морду?» – «Ладно, не надо, я сейчас, как на духу!» – регулярно повторялся. Похоже на этикет ведения следствия, чтоб ему провалиться.

– Так ведь правда, не представляются... – протянула Илона.

– Ничего. Нас устроят словесные портреты. Сначала сами расскажете, что помните, потом вызовите сотрудниц, которые тогда работали.

– Так ведь убивец Веркин у вас уже сидит! Благородные господа-то вам зачем? – искренне недоумевала Илона.

Виктор уже собирался рявкнуть и пообещать неприятности покруче, чем недолгое задержание, но тут вмешалась магичка.

Она слегка наклонилась к мадам и ласково попросила:

– Илона, пожалуйста. Это действительно важно. Мы не можем разглашать тайну следствия, но эти твои посетители нам очень нужны.

Виктор не одобрял таких методов – зачем просить, если она и так все сейчас расскажет? Но, похоже, сработало. Илона картинно вздохнула.

– Пятеро их было. Двое пониже, один – повыше, еще двое росточку среднего. Богатенькие, но не из самых сливок. С ними поначалу еще компания пришла, но те, которые с ними, ушли довольно быстро, а эти почти до рассвета сидели...

Виктор записывал все дословно, уточняя, кто «те», кто «эти» и кто как выглядел. Магичка иногда задавала Илоне короткие вопросы, но в основном тихонько сидела и, кажется, даже дремала с открытыми глазами. Рыжий иногда тяжело вздыхал, но потом утих и стал абсолютно незаметен. Казалось, у ног магички просто лежит драная шуба.

– Спасибо, – кивнул Виктор, записав показания Илоны. – А теперь пригласите, пожалуйста, своих сотрудниц.

Илона вышла, и через пару минут в комнату стали заходить ее подчиненные.

Скоро Виктор был уверен, что ад – это не черти и сковородки. Это махонькая комнатуха, наполненная ярко накрашенными женщинами, шелестом юбок, запахами пота, духов, алкоголя и благовоний. Полные, худые, блондинки, брюнетки, рыжие и даже одна совершенно лысая, но с тяжелым кожаным ошейником.

Виктор рявкнул на девиц, велел заходить по одной, но это его не спасло.

Анна скривилась, глядя на безобразие, и встала.

– Извините, коллега, мне нужно навестить пациента. Это рядом. А с допросами я вам все равно не помогу.

Виктор пробурчал ей вслед что-то неодобрительное, но увидел только мелькнувший в двери собачий хвост – Рыжий как привязанный пошел следом за магичкой. Так что следователю осталось только вернуться к допросам.

Девушки строили глазки, говорили томным голосом, норовили споткнуться и красиво упасть к нему на колени. Виктор был абсолютно уверен, что на следующий день не узнает никого, настолько прочно они слились в хихикающую, притворно вздыхающую и искренне сожалеющую о судьбе Верки череду.

Виктор узнал, что он симпатяга и милашка; что ему сделают скидку, и пусть хозяйка хоть удавится; что томная брюнетка на самом деле – похищенная во младенчестве княжна, и он просто обязан на ней немедленно жениться...

В общем, кошмар отдельно взятого борделя. Виктор подозревал, что хитрая Илона тихонько попросила девиц с ним сотрудничать, но постараться достать до печени, чтобы больше следователю не хотелось вести допросы в этом заведении.

О репутации заботится, зараза!

Когда Виктор допрашивал последнюю свидетельницу, беззвучно вернулась магичка и встала в дверях. Выражение лица напарницы показалось Виктору каким-то неправильным. Станным.

– Ой! – дернулась девица. – А я вас и не заметила!

– Ничего, – отмахнулась магичка, – я вообще очень незаметная. Тень буквально...

Виктор вопросительно уставился на нее.

– Извините, Виктор, вам нужно кое-что увидеть, когда здесь закончите, – бросила Анна.

Она потрясла головой, как будто отгоняя назойливые мысли, и погладила взъерошенного Рыжего.

Виктор кивнул, едва заметно пожал плечами и обернулся к свидетельнице:

– Итак, до какого времени у вас был клиент?

Виктор немного лукавил, когда говорил, что дело окончится только опросом. Он планировал выяснить, кто, где и когда был, а потом девиц, которые лучше всех помнят недавних посетителей, отвести к рисовальщику, чтобы сделать портреты.

Виктору даже думать не хотелось, как он будет выглядеть, сопровождая пеструю компанию проституток в управу. Но – таковы парадоксы работы следователем. Не тащить же рисовальщика сюда! Он, как сплетничали в управе, разругался с женой из-за очередной музыки, ночевал в каморке при дежурке и горько вздыхал о тяжелой судьбе творческого человека. При визите в бордель рисовальщик запросто может увлечься «поиском вдохновения», а Виктору нужны портреты к завтрашнему утру.

Закончив опросы, Виктор велел девицам никуда не расходиться и стал быстро просматривать протоколы, чтобы определить, кого вести к художнику.

Судя по показаниям девиц, вместе с которыми работала покойная Верка-Хохотушка, никакой связи между ней и сторожем Юркой, убитым этой ночью, не было. Они не были знакомы, а у сторожа никогда не хватило бы денег на это заведение. Так что очень похоже, что дело все-таки в сходстве Верки и благородной дамы Ингрид Альградской. Но Юрка-то тут причем? Просто случайная жертва, или все сложнее?

Будем надеяться, при допросе окружения Юрки что-нибудь да всплывет.

– Сударыня, – обернулся Виктор к Анне, – что мне нужно увидеть?

Магичка отрешенно постучала пальцами по косяку.

– Верку убили в десяти метрах отсюда, – мертвым, пустым голосом сообщила она. – В двух шагах, почти у всех на виду... Под носом практически. Когда я вышла во двор... неважно. Рыжий учуял кровь.

Виктор аккуратно сложил протоколы в папку и встал. Очень хотелось воскликнуть: «Что ж ты раньше молчала!», но он обошелся коротким:

– Показывайте.

Это был полуразрушенный сарайчик на заднем дворе заведения, спрятанный за зарослями колючей акации. Прямо за ним – невысокий обрыв над рекой Нестриж. Зачем сарай построили и почему забросили, Виктору было совершенно не интересно.

Анна потянула на себя дверь из серых гнилых досок, Виктор шагнул поближе... Ох ты, м-мать!!!

В нос ударил жуткий запах гниющей крови.

Следователь выругался про себя и заглянул в сарайчик через плечо магички. В полутьме и вони на земляном полу копошились белесые черви.

– Ее убивали здесь. На полу кровь, везде кровь... и до сих пор пахнет черным ритуалом.

Анна к нему так и не обернулась, смотрела на червей, как замороженная.

– Потом он скинул тело с обрыва. – Виктор показал на пролом в задней стене сарая.

Следователь аккуратно, стараясь не наступить в гниль, прошел к задней стенке. Чтобы проломить ее, никаких сил не потребовалось, доски держались на честном слове.

Сразу за проломом, на примятой траве и сломанных стебельках каких-то засохших растений были еще видны бурые полосы.

– Он должен был испачкаться в крови с головы до ног, – вслух отметил Виктор, – но почему-то никто ничего такого не видел. Есть идеи? Магия, может быть?

Анна с видимым трудом оторвала взгляд от гнилой крови.

– Вполне возможно, что и магия. Есть такой амулет, «светский лев» называется. Приводит одежду в порядок, будто она только что из ателье. – Она говорила медленно, без интонаций, будто читала строчки энциклопедии. Или думала о чем-то своем, таком, что не расскажешь никому: – Ни пылинки, ни соринки, и костюм будет отглажен идеально. Дорогущая штука, но если убийца – из благородных, мог заpastись, ради княжеских-то балов.

– М-да... богатенький некромант-любитель?

– Или он просто тихонько ушел, никем не замеченный.

Виктор вызвал экспертную группу, осмотреть место преступления. Пока они с Анной ждали, снова просмотрел протоколы.

Вот черт. Постоянно на глазах у девиц был только один из пятерки. Тот самый высокий нескладный шатен. Остальные – кто спал, умаявшись, в отдельном

кабинете, кто проветриться выходил...

– Госпожа Мальцева, дайте экспертное заключение – они нам много наврали? – спросил Виктор у магички.

– Думается мне, что не очень, смысла не было. Но с чего вы взяли, что я могу точно определить, врут они или нет?

– Вы же маг! Мысли читаете, вранье чувствуете...

– Ага. Еще мы на драконах летаем и убиваем взглядом. Это сказки, Виктор. Ментальщик может как-то воздействовать на человека только с его согласия, обязательно к нему прикасаясь. Или если тот в беспамятстве. Некромант работает с энергией распада и боли... или с тем, что когда-то было живым. Сознание и разум ему неподвластны, он может только парализовать жертву, да и то – сил на это нужно немало. Так что забудьте про «ты-же-маг!». Мы не всемогущи. И учтите – если вы рассчитываете, что я при встрече определяю, кто наш убийца, вы ошибаетесь. Я не умею. Проводить тесты на магические способности с применением серьезных артефактов нам никто не даст. И гетенхельмские инквизиторы kota не одолжат, к сожалению. У местных таких зверей нет, только имперцы сумели обучить кошек сообщать о магии.

– А жаль... – протянул следователь.

Он и правда надеялся, что рыбак рыбака... ну или колдун колдуна определит мгновенно.

– Увы. С живого человека следы энергий смываются очень быстро. Вот то, что когда-то было живым, хранит память довольно долго.

– И еще, – будто между делом, спросил Виктор, – почему Илона на вас чуть не молится? И какое «другое» дело у вас с ней есть?

– Я уже говорила, что часто работаю в Веселом квартале. У меня здесь много самых разных пациентов, – отрезала магичка, явно не собираясь обсуждать детали. – Мы закончили здесь?

Чего только не наслушался Виктор, когда привел в управу четырех девиц для составления портретов.

– Девочки, бросайте этого зануду, давайте к нам!

– Малыш, ну ты даешь! Все свое ношу... а, да, вожу с собой?

– Витька! Я с тобой дружу!

– Вот это запасливость! Или самомнение?

– Теперь выражение «бардак на рабочем месте» расцветает новыми красками...

Дорогие коллеги изощрялись в остроумии на всю катушку. Особо старательным сослуживцам хотелось дать в морду, потому что искрометно отшучиваться Виктор так и не научился, а объяснять каждому, что привел свидетелей по делу... Да кого это вообще интересует?

Так что Виктор ответил коллегам: «Завидуйте молча!» – и побыстрее загнал девиц к рисовальщику.

Зато девицы веселились вовсю...

Вечером, умудрившись даже выкроить час на портного, Виктор получил от томно закатывающего глаза рисовальщика портреты фигурантов. «Малыш, тебе точно больше никаких портретов клиентов этих муз не нужно? А то я с удовольствием, они меня вдохновили...»

Теперь следователь составлял схему – кто из них, по словам работниц салона мадам Илоны, где находился в ночь убийства.

Виктор разложил перед собой пять листков с лицами подозреваемых. Рисовальщик постарался – портреты выполнены цветными карандашами, лица получились очень живыми и, будем надеяться, точными.

«Ну что, ребята, начнем с вас. – Виктор придвинул поближе портрет сухощавого блондина. – Ты у нас, увидев Верку, заорал, что хочешь именно ее, а остальные

пусть убираются. Разом четверо про это рассказали, включая Илону, – и, похоже, не враз. Могли сговориться, но уж больно по-разному рассказывали, при сговоре обычно с одних слов твердят».

Виктор почувствовал какую-то недосказанность. Будто что-то ускользало... Он потер пальцами виски, прикрыл на несколько секунд глаза – и только после этого нехитрого ритуала снова стал смотреть на портреты и схему.

Портреты оказались знакомыми. Где же он их видел? Ага. Сегодня утром. «Белый ферзь», приятная компания подвыпивших гуляк во главе с племянником князя. Ну что ж, завтра познакомимся поближе... А сейчас пора к шефу, за инструкциями.

Глава 7

В кабинете у шефа Виктор кратко изложил сегодняшние результаты и мельком порадовался, что шеф никак не прокомментировал явление компании Илониных девиц в управу.

На сообщение о том, что в списке подозреваемых значится Славомир, племянник и оруженосец князя, и еще несколько пажей и секретарей, шеф удивленно поднял бровь.

– Про дерьмовую банку оба помните? – вкрадчиво спросил Горностай.

– Помним, – за обоих ответила Анна. – Но куда деваться-то?

– Кхм, – кашлянул шеф, – не при даме будет сказано, куда... В общем, так. Законы знаете? Допрос подданного иностранного государства с дипломатическим иммунитетом возможен только с его согласия. В нашем случае, я уверен, потребуются еще и разрешения от их сюзеренов. Если фрайин разрешит допросить своего секретаря – прекрасно. Нет – значит, нет. К остальным, включая Славомира, пока не лезьте, но запросы ты, Виктор, подготовь. И помните: пока что вы о следствии говорите только с фрайин, остальные пусть думают, что Виктор просит службы у Альграда. А то такая

вонища поднимется... Надо сначала князю доложить. Но об этом пусть у вас голова не болит.

Силин глянул на подготовленные планы завтрашних допросов, отложил все, кроме допроса Ингрид Альградской и ее секретаря, а эти на удивление быстро одобрил (пара моментов в них казались Виктору слишком смелыми, если не сказать – нахальными).

И, наконец, Горностай перешел к главному.

– Итак, фрайин Альградская, – торжественно прочитал шеф, развернув коричневую папку. – Сестра конунга Магнуса Альградского. Обращаться к ней нужно «фрайин», что в вольном переводе означает «княжна» или «баронесса», хотя она не княжна и не баронесса, а сестра конунга, и титул принадлежит ее брату. Можно «ваша светлость», так как Альград является самостоятельным государством, что приравнивает его к княжеству или герцогству.

Шеф в притворном ужасе закатил глаза:

– Сложно-то все как, а?

– В древности конунги, как и князья, были военными вождями, – пояснил Виктор. – Альг Скальд, соратник Мстислава Великого, вместе с ним завоевывал западные земли. Сергей Бельский, мой предок, тоже с ними был, тогда мы и стали баронами фон Бергенами, по названию захваченного удела. Только Бельский присягнул Мстиславу и остался сколачивать империю вокруг Гетенхельма, тогда еще – махонького городка. А Скальд с Мстиславом остаться не захотел, какая-то кошка между ними пробежала. Он с частью войска отправился на север, у Мстислава ни сил, ни желания не было Альга Скальда останавливать. В итоге Альг захватил Озерецкое княжество. Он переименовал свою землю, а сам стал князем. Но все равно остался конунгом, согласно традициям, и потомкам своим этот титул передал. Даже когда Альград стал полностью христианским, название осталось.

– Сам черт ногу сломит в истории, титулованиях и обращениях! – хмыкнул Горностай. – Вы-то хоть понимаете, что тут к чему?

Анна покачала головой.

– Шеф, все же просто, – слегка удивился Виктор. – В данном случае «конунг» и «князь» – одно и то же, можно называть и так, и так. Но «конунг» – с уважением к традициям, а «князь» – точнее. Титул принадлежит тому, кто правит Альградом. Если он женат, то и его жене. У наследника может быть отдельный титул – а может и не быть. Остальные близкие родственники – сестры, братья и дети, кроме наследника, являются знатными, но нетитулованными дворянами. В семье конунга незамужние дамы – «фрайин», замужние – «фрайфрау» мужчины – «фрайгерр», это уже дань имперской традиции, так как Альградский правящий дом в очень близком родстве с нашими баронами. Но если попросту, все они вместе – «ваша светлость».

– Да уж, повезло мне с тобой. Я бы удавился все это запоминать, – признался Горноста́й. – Так что тебе и карты в руки.

– Да ладно, шеф! Вы же не путаетесь в титуловании нашего князя? Он Николай Гораздович, титул – князь Гнездовский. Обращение – «ваша светлость» или «князь».

Но «князь» он только для равных ему хотя бы формально, то есть для дворян.

– Все-все, уймись, знаток этикета, – замахал руками Силин. – Я понял. Всем говори «ваша светлость», не ошибешься.

– Это не совсем так... – продолжил было Виктор, но осекся – шеф уже с трудом сдерживал смех.

Анна просто загадочно улыбалась. То ли чтоб за умную сойти, то ли у магов все иначе, даже обращение к «сильным мира сего». Виктор не стал об этом задумываться, просто понадеялся, что завтра при опросах свидетелей она не ляпнет какую-нибудь совсем вопиющую бестактность.

За окном еще только начинались поздние июльские сумерки, но шторы на окнах в кабинете шефа были задернуты и на столе горели несколько свечей в причудливом канделябре.

– Интересный вам достался свидетель, мне прямо завидно. – Шеф протянул Виктору папку. – Вот, изучайте. За избавление от проблем с поисками некроманта особисты поделились выжимкой из открытых источников. Правда, если мы не выдадим результат быстро и качественно, они первые же нас закопают, – так уж повелось.

Василий Федорович был явно чем-то очень доволен: похоже, умудрился заработать пару очков в хитрых играх между стражей и особым отделом княжеской канцелярии. Виктор, конечно, не знал деталей, но о «большой любви» двух ведомств были в курсе даже служебные собаки.

– Ого! – Виктор взвесил пухлую папку с газетными вырезками и аналитическими справками, написанными убористым аккуратным почерком. – Солидный материал.

– Забирайте и внимательно читайте. Из здания не выносить, по окончании расследования вернешь. Отвечаешь, ясное дело, лично и головой.

– Есть.

Виктор хотел было уйти, но шеф жестом его остановил.

– Анна, у тебя, говорят, собачка завелась? – поинтересовался Силин. – Полезная собачка или так, погавкать?

– Рано судить, потому и не докладываю. – Анна снова покачала головой. – Хотя на место убийства Веры пес нас навел. Чистое везение вообще-то, что он оказался рядом и унюхал кровь. А вот насчет поисков убийцы – непонятно. Собака действительно была вместе со сторожем в момент нападения, но колдующий некромант у животных вызывает панику. Пес вырвался и сбежал, успев увидеть только черную жуткую фигуру. Ни лицо, ни приметы из собачьих воспоминаний не извлечь. Остается опознание по запаху, но я не уверена. Слишком он был напуган.

– М-да... – протянул шеф, – даже если опознает, собачку в суд как свидетеля не приведешь, адвокаты на смех поднимут. Ну, хоть будете знать, на кого доказательства собирать. Ладно, валяйте, изучайте бумажки. Я одним глазом глянул и пожалел, что не сам дело веду. Интереснейшая вам попалась дама...

Они устроились у Виктора в кабинете, разложили бумаги на столе. Свечи зажигать пока не хотелось, в полвосьмого вечера было еще очень светло. Виктор налил себе и Анне по огромной кружке чая. Магичка тем временем, не слушая возражений, быстро сходила за пирожками, успев буквально за пару минут до закрытия лавки пекаря.

«Виктор, вы как хотите, а мне регулярно питаться просто необходимо. Да и вам не помешает, это я как врач говорю. Вам с какой начинкой принести?»

– Знаете, Виктор, я тут пару дней назад читала последний роман Карреры – так на фоне альградской истории приключения бравого кавалергарда просто меркнут... – сказала магичка, быстро пролистав перечень документов.

– Да уж... – согласился Виктор. – С ума б от такого счастья не сойти...

«Ингрид Владислава Елена Альград-Эзельгарр. Двадцать два года. Младшая сестра владетельного конунга, князя Магнуса Владислава Александра Альградского», – значилось на первом листе папки.

Виктор грустно усмехнулся. У него было больше имен – Виктор Вальтер Александр Густав фон Берген, князь Бельский. По знатности он был выше дамы-свидетеля (или потенциальной жертвы?). Потомки Альга-Скальда, удачливого бандита, сумевшего завоевать себе княжество, не шли ни в какое сравнение с князьями Бельскими. Основатели Империи. Второй по знатности род, право на императорскую корону, если прервется прямая линия...

Впрочем, какая разница? Где она и где какой-то там следователь?

Виктор откусил пирожок, проследив, чтобы крошки не упали на отчет, глотнул чаю и продолжил чтение.

Практически с рождения Ингрид была обручена с Иоганном, наследником баронства Эзельгарр – главного конкурента Альграда по морской торговле, расположенного на длинном полуострове севернее Альградского побережья. Четыре года назад Ингрид отправилась в Эзельгарр, где состоялась пышная свадьба. Но прожила там совсем недолго. Когда Константин и Александр схлестнулись за обладание железной короной Гетской империи, наследник Эзельгарра с небольшим отрядом отправился на помощь принцу Константину. Что творилось у него в голове – непонятно, но голову эту он сложил довольно быстро. Героически или не очень, история умалчивает. Формально он числился пропавшим без вести.

Когда стало ясно, что муж с войны не вернется, Ингрид быстро организовала заочное отпевание и кенотаф. После недолгого траура фрайин вернулась в Альград под папино крылышко и стала появляться в Эзельгарре только в качестве дипломатического и торгового представителя Альграда.

К некрологу безвременно почившего Иоганна в папке прилагалось пояснение:

«Барона Витольда Эзельгаррского сын и наследник Иоганн очень раздражал. Об этом есть свидетельства очевидцев... – Часть страницы аккуратно обрезана. – ... раздражение распространялось и на невестку, так что старый барон наверняка был рад избавиться от обоих. Как решится вопрос с наследованием Эзельгарра, пока не ясно. Скорее всего, наследником будет объявлен внебрачный сын барона, Петер».

И на том же листе, но другим почерком: «Есть любопытный юридический казус. Витольд Эзельгаррский официально объявил сына своим наследником сразу после его свадьбы с Ингрид. Так что традиционный для Эзельгарра обряд „принятия в наследники“ проводился над ними обоими как семейной парой. После смерти мужа Ингрид вступила в наследство с традиционной же формулировкой „принимаю все, что ты мне оставил“ – то есть и титул наследника, при отсутствии у почившего супруга признанных детей. Так что формально она имеет право на баронскую корону Эзельгарра, пока Витольд не объявил нового наследника со всеми необходимыми формальностями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kelin_aleksey/etiket-sledstviya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)